

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ТРИЦА

Василий Головачев

Триэн

«ЭКСМО»

2014

Головачев В. В.

Триэн / В. В. Головачев — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76705-2

Загадочное происшествие на западе Москвы запускает цепь событий, о масштабе которых даже не догадываются те, чьей прямой обязанностью является обеспечивать порядок и безопасность жителей. Только полковник Гордеев и бойцы возглавляемого им подразделения «Застава» имеют возможность адекватно оценить ситуацию и среагировать на неё, ведь уже несколько лет они ведут тайную войну с силами, поставившими себе целью полный контроль не только над Россией, но и над всем земным социумом вообще. Однако началась эта история ещё раньше, когда любые разговоры на тему «зелёных человечков» воспринимались либо как бред сумасшедшего, либо как фантастика, либо как анекдот, но никак не предупреждение о грядущей опасности...

ISBN 978-5-699-76705-2

© Головачев В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
1	6
2	10
3	12
4	13
5	15
6	18
7	20
8	24
9	26
10	29
11	32
Книга первая	35
Глава 1	35
1. Попытка к бегству	35
2. Ватшин	37
3. Нейтрализовать немедленно!	38
4. Судьба изменчива	41
5. Его надо охранять	44
6. Застава	46
Глава 2	50
Помню	50
1. Было	50
2. Извне-1	55
3. Полёты	56
4. Извне-2	60
5. Расширение	60
6. Посетитель	61
7. Извне-3	61
8. Неожиданное	62
9. Риск – благородное дело	63
Глава 3	66
1. Локус контроля	66
2. Мера пресечения	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Головачёв

Триэн

*Такое действительно может видеть только бог – через дырку
оставленного в человеческом сознании служебного люка.*

В. Пелевин. Batman Apollo

© Головачёв В. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Пролог

Появление «Триэн»

1

Август выдался душным и жарким, почти без дождей. Вездесущая пыль проникала в дома и машины, скрипела на зубах, и даже в новом здании аэропорта, оборудованном кондиционерами, пахло пылью и нагретым асфальтом.

Гордеев с удовольствием выпил ледяной минералки в буфете, поклонился по залу аэропорта, потом объявили начало регистрации на рейс, и он в числе первых пассажиров подошёл к стойке. С любопытством глянул на двух парней-инвалидов, подошедших следом. У обоих не было ноги до колена: у светловолосого правой, у шатена – левой, – и оба опирались на короткие костыли. Тем не менее парни выглядели спортивно, легко несли большие сумки и не стеснялись людских взглядов.

Через минуту, послушав их разговоры, Гордеев понял, что они и в самом деле спортсмены, члены сборной команды Томской губернии по футболу среди инвалидов. С завистью подумав о таком ярком проявлении жизненной силы, он почувствовал уважение к этим ребятам. Пройдя контроль, Гордеев с небольшой сумкой через плечо вошёл в зал ожидания. Снова увидел инвалидов, присевших за столик в небольшом кафе: они пили чай.

В этот момент в зал, пройдя регистрацию, ввалилась шумная компания парней и девиц, явно подогретых алкоголем. Вели они себя нагло, не обращая внимания на окружающих, изъяснялись на языке, который трудно было назвать русским, матерились, целовались, хохотали, и Гордеев со вздохом подумал, что, несмотря на технический прогресс и рост благосостояния народа, о чём наперебой сообщали газеты, ростом морали и воспитания отечественный социум не отмечен.

Компания не уместилась за столиками кафе. Тогда один из самых громогласных её участников, вероятно, вожак, вдруг подошёл к инвалидам и развязно бросил:

– Эй, мужики, ослобоните места, мы тут с утра заняли.

Спутники верзилы заржали.

– В самолёте насидитесь, – добавил он с ухмылкой.

Инвалиды переглянулись.

– Допьём чай и уйдём, – тихо сказал один из них, светловолосый.

– Чай можете допить и стоя, – хмыкнул верзила. – У вас ещё осталось по одной ноге.

«Человек – звучит гордо, но выглядит отвратительно», – вспомнил Гордеев.

Он встал, подошёл к веселящейся компании.

– Не трогайте их.

Верзила оглянулся.

– А это ишо хто нарисовался? Давно не били, папаша?

Гордеев сделал стремительный и точный выпад пальцем в шею верзилы – никто этого практически не заметил, – посмотрел на севшего на корточки, ослотившего парня.

– Человек человеку – друг, товарищ и брат. Понял, сволочь? – Гордеев оглядел притихших, не понявших, что произошло, спутников верзилы. – Вызвать милицию или подружиться?

Парни зашумели, сообразив, что мужик в возрасте, не выглядевший крутым, проявил неожиданное умение, подхватили своего вожака, усадили на стул, захлопотали вокруг, поглядывая на Гордеева с опаской и уважением.

– Спасибо, – сказал светловолосый инвалид, сохраняя свой застенчиво-независимый вид. – Вряд ли они начали бы гонять нас силой.

– Терпеть ненавижу хамов! – угрюмо проговорил Гордеев, возвращаясь на место и анализируя свой поступок. Обычно он ни в какие разборки на виду у людей не вмешивался, и что вдруг на него нашло, понять не мог.

Поймал взгляд парня-инвалида. Насторожился.

Взгляд этот был странно оценивающим и насмешливым, будто инвалид знал нечто такое, что было скрыто от самого Гордеева. Так мог бы смотреть профи спецназа, прошедший хорошую жизненную школу и готовый к выполнению задания. Мешала воспринимать парня спецназовцем только его явная некомбатантность, отсутствие правой ноги.

Гордеев бросил на парочку более внимательный взгляд.

Сердце защемило.

Они были слишком тихими и выглядели незащищёнными, чтобы представлять собой спецназ. Либо, наоборот, когда-то и в самом деле служили в строю, пока не получили инвалидность во время одной из боевых операций. Таких Гордеев жалел, так как сам был ветераном армейского «Барса».

Объявили посадку в самолёт. Оглядываясь на шумную компанию в кафе, пассажиры потянулись к выходу на посадку.

У Гордеева прожужжал мобильный. Он отошёл в сторонку, поднёс к уху изящную трубочку смартфона.

– Петрович, – раздался в трубке задыхающийся голос, – меня пытаются... – Возня, сдавленный мат. – Уходи, Петрович! Тебя тоже на...

В трубке захрипело, издалека прилетел странный квакающий звук, тихий вскрик, и всё стихло.

– Кто говорит?! – с запозданием спросил Гордеев, внезапно соображая, что квакающий звук – это выстрел.

Подержал трубку возле уха, пытаясь вспомнить, кому принадлежал голос. Вспомнил: ему звонил Саша Веничко, бывший старлей бывшей опергруппы «Альфа», с которым он участвовал в последней операции. Что он хотел сказать этим: «Тебя тоже на...»? Найдут? Кто?

– Пассажир, заходите в самолёт, – сказала дежурная по посадке.

Гордеев очнулся, спрятал мобильник, поднялся по трапу последним. А в самолёте ему показалось, что на него сквозь прорезь прицела глянула сама Смерть.

Не показав, однако, виду, что заметил оценивающие взгляды (снова инвалиды-спортсмены, и чем же он их так заинтересовал?), Гордеев занял своё место, посидел в расслабленной позе, прислушиваясь к предполётной суете бортпроводниц, потом взялся за трубку мобильного.

На первый звонок никто не откликнулся. Зато ответили на второй:

– Слушаю, Петрович.

– Солома, – заговорил Гордеев так, чтобы его никто не услышал, – мне только что позвонил Веник...

– Он и мне вчера звонил, утверждал, что за ним следят.

– Похоже, его накрыли.

Пауза.

— Кто?

– Не знаю. Урмас молчит. Обзвони всех наших и будь осторожен.

– Хорошо.

Гордеев откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза.

Вспомнилась последняя операция, в которой ему предложили участвовать в качестве командира группы. А задание выдал не кто иной, как сам Бугор, то есть генерал Чернавский,

начальник Управления спецопераций Службы разведки Минобороны. Несколько лет назад Гордеев и сам служил в Управлении, дошёл до полковника, но вынужден был уйти на покой, получив ранение.

«На покой...»

Гордеев усмехнулся. Как оказалось, покой таким, как он, и в самом деле только снится.

– Есть дело, Иван Петрович, – сказал Чернавский; он пригласил полковника к себе на дачу, расположенную в двадцати километрах от Москвы. – Знаю, что ты списан вчистую, но только ты способен его провернуть.

– Что за дело? – любопытствовал Гордеев вопреки воле. В свои сорок восемь он не чувствовал себя стариком, несмотря на былые раны, и был уверен в своих силах, как и прежде, в молодости.

– Ты что-нибудь слышал о работе Федерального следственного комитета?

Гордеев помолчал немного, озадаченный вопросом.

– Кажется, Комитет создан пару лет назад...

– Три года тому, в две тысячи седьмом. Так вот, у нас есть данные, что его начальник работает на государственно-криминальную структуру «Купол».

– Ну и что?

– Все материалы я тебе дам. Его надо убрать. Он сосредоточил в своих руках такую власть, что ни «контора», ни президент не могут с ним ничего сделать. По сути, он контролирует всю страну.

– Ни больше ни меньше, – усмехнулся Гордеев.

– Ни больше ни меньше, – развёл руками Чернавский. – Возьмёшься? Группу мы тебе подберём. Техническое сопровождение обеспечим.

– Я не киллер, – покачал головой Гордеев.

– Когда ты узнаешь, какие дела проворачивает господин Миркис, поймёшь, что иным способом его не остановить. Правовых мер не существует. Почитаешь, подумаешь, потом позвонишь.

Гордеев думал три дня, взвешивая решение. И согласился.

Через два месяца после этого разговора начальник Федерального следственного комитета генерал Миркис погиб на острове Новая Земля. Вертолёт, в котором он летел из Диксона на северный мыс острова, к строящемуся на шельфе нефтяному терминалу, потерял управление и вынужден был приземлиться на краю болота.

Как оказалось, по нему было сделано два выстрела: один – когда машина была ещё в воздухе, второй – когда вертолёт сел, – из снайперской винтовки крупного калибра ТОЗ-7. Одна пуля попала в двигатель, вторая прошила борт вертолёта аккуратно в том месте, где сидел Миркис. Эта же пуля пробилась и грудь генерала. Скончался он практически мгновенно.

Лишь позже стало ясно, что среди сопровождавших генерала лиц был наводчик, руководящий снайпером высокого класса, а следователи ФСК, «вылизавшие» впоследствии место приземления вертолёта, обнаружили там следы трёх человек...

Гордеев очнулся, услышав голос бортпроводницы: объявили посадку.

Снова спины коснулся чей-то колючий неприятный взгляд.

Спортсмены-инвалиды? Или кто-то ещё? И не означает ли это, полковник, что тебя ведут?

Гордеев встал, прогулялся до туалета, прислушиваясь к своим ощущениям.

Никто, кроме проводницы, не обратил на его поход никакого внимания. Хотя при этом психологическое ощущение взгляда в спину сохранилось. Всё-таки за ним следили, это стало очевидным.

Он вернулся на своё место, заговорил с пожилым соседом о погоде, продолжая держать себя в состоянии «резонансной струны», и поймал-таки взгляд того, кто наблюдал за ним из

глубины салона. Это был тот самый вожак уgomонившейся компании, проявивший некий особый интерес к обидчику. В принципе, его поведение было понятно, на месте верзилы и Гордеев чувствовал бы себя неуютно. С другой стороны, вёл себя парень совсем не так, как прежде, и это настораживало.

Самолёт произвёл посадку, вырулил к зданию аэропорта.

Пассажиры зашевелились, начали доставать поклажу.

Гордеев тоже вытащил свою небольшую спортивную сумку с эмблемой «СК», неторопливо побрёл к выходу, сел в автобус.

За ним смотрели с трёх сторон!

Сомнений не оставалось: его действительно вели.

И тогда он сделал нестандартный ход. Вылез из автобуса, расталкивая пассажиров, быстро сказал дежурной, готовившейся отправить автобус к зданию аэропорта:

– Извините, я потерял в салоне мобильный телефон! Отправляйте автобус, пока я буду искать.

– Не положено, – отрезала суровая девушка в синей униформе.

– Тогда ждите.

Чувствуя на себе взгляды пассажиров, Гордеев взбежал по трапу в самолёт, объяснил удивлённым бортпроводницам, что ему нужно. Сделал вид, что ищет мобильник. Дошёл до хвостовой части салона, где уже был открыт грузовой люк, причём с другой стороны самолёта, и прыгнул на землю, переходя в темп.

Рядом с электрокаром для груза стоял полосатый автомобильчик службы охраны аэропорта с открытыми дверцами, в котором скучали двое мужчин в синем. Сообразить, что происходит, они не успели.

Гордеев одним движением выбросил водителя из машины, сел на его место, погнал автомобиль мимо шеренги самолётов к ангарам, держась за руль левой рукой, а правой придерживая заваливавшегося на него охранника.

Опешившие сотрудники служб аэропорта, встречавшие самолёт, опомнились, когда автомобиль охраны уже и след простыл.

Бросив машину за ангаром так, чтобы её не сразу заметили со стороны лётного поля, Гордеев обогнул ангар, сел в бензозаправщик, оставленный водителем, и спокойно выехал на асфальтовую дорожку, ведущую к зданиям технического обслуживания аэропорта. Через пару минут, проводив глазами мчавшиеся к ангарам машины: бело-синюю техничку и два милицийских «Форда», он вышел у склада, пересёк его и оказался за территорией аэропорта. Не мешкая, перешёл дорогу, редкую лесополосу, проголосовал и сел в остановившуюся старенькую «Калину».

Никто их не преследовал.

Шокированные его маневром охранники аэропорта и милиционеры продолжали искать нарушителя правопорядка в самом аэропорту. К темпу, предложенному бывшим полковником ГРУ, они готовы не были.

Через полчаса Гордеев расплатился с водителем «Калины» и вышел у метро «Юго-Западная».

2

Солома, то есть в миру Виктор Андреевич Соломин, капитан ФСБ, уволенный в запас по ранению в возрасте тридцати шести лет, позвонил вечером:

– Петрович, ты живой?

– Живой пока, – хмуро ответил Гордеев, поселившийся у приятеля в Химках. – Отцепил «хвост» утром, хотя не понимаю, кому вздумалось следить за мной.

– Плохи наши дела, командир. Урка убит, Дорик тоже, Корень не отвечает. Похоже, за нас взялись всерьёз.

– Кто?

– А хрен его знает! В голову приходит только наша последняя оперуха.

– Мне тоже, – признался Гордеев. – Кто-то решил убрать лишних свидетелей по делу Миркиса.

– Неужели теперь придётся всё время в бронике ходить?

– Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежителе, – невесело пошутил Гордеев.

Соломин хохотнул.

– Эт точно. Что будем делать, командир?

– Я дозвонился до Лося, он прилетит в Москву завтра. Постарайся найти Корня. Собрёмся, помаракуем, как выпутываться из этого положения.

– Я думал, завяжу со службой, поживу спокойно. Так хочется чего-то большого и чистого.

– Помой слона, – посоветовал Гордеев, выключая мобильник.

Вечер он провёл в компании с приятелем Гошей, с которым учился в школе, и его подружками, ни одна из которых ему не понравилась. Впрочем, о развлечениях он думал меньше всего. Голова была забита мыслями о ситуации и о судьбе бывших членов группы: Корня – Кирилла Ковени, лейтенанта спецназа ГУИН, Лося – Логуя Сэргэха, якута, охотника и следопыта, прекрасного актёра, способного сыграть и немощного старика, и азиатского гастарбайтера, Веника – Саши Веничко, классного рукопашника, из лейтенанта внутренних войск переквалифицировавшегося в главу частного охранного агентства в Тюмени, Урки – Урмаса Кестудиса, латыша, водившего все виды авто– и авиатранспорта, и Дорика – Аркадия Дормана, высокочеловеческого специалиста по компьютерной технике. Все они входили в состав опергруппы, сумевшей ликвидировать врага государства, и половина из них уже находилась за пределами реального физического контакта.

Наутро снова позвонил Соломин и радостно сообщил, что Корень жив-здоров, но прячется на Смоленщине, так как почуял слежку и решил перестраховаться.

– Будет к двум часам на «запасном аэродроме», – добавил Соломин.

– Хорошо, я подъеду, – сказал Гордеев. – Заметишь слежку – дай знать.

«Запасным аэродромом» они называли явочную квартиру в Строгино, о которой никто из бывшего начальства не знал, в том числе и сотрудники Управления спецопераций. Квартира принадлежала какому-то родственнику Соломина, который большую часть года пропадал в экспедициях по Западной Сибири в поисках новых нефтяных месторождений.

В два часа дня они собрались вместе в четырёхкомнатной квартире, отделанной в соответствии со вкусом владельца ценными породами дерева: Соломин, Лось-Сэргэх, Корень Ковеня и Гордеев. Придирчиво оглядели друг друга, оценивая внешние изменения.

Корень завёл усы и бородку.

Соломин наголо побрил голову.

Лось превратился в респектабельного дипломата – с виду, отрастил седую шевелюру, нацепил очки в золотой оправе. Узнать его было трудно.

Не изменился только сам Гордеев, тщательно брившийся каждый день и ухаживающий за длинными – ниже мочек ушей – бачками; назвать их бакенбардами не поворачивался язык. Волосы Гордеев подравнивал каждый день и не позволял им вырастать длиннее трёх миллиметров.

– Что происходит, пацаны? – первым нарушил молчание кряжистый, невысокий Ковеня.

– Убит Веник, – помрачнел Соломин. – Прямо на пляже в Крыму. Урмас разбился на мотоцикле под Ригой. Дорик угорел в бане. Всё понятно?

– Кассетная ликвидация...

– Догадливый. И, судя по всему, мы на очереди.

– То-то я неделю назад почувал – менять хавиру надо. Ветерок холодный подул.

Все одновременно посмотрели на Гордеева.

– Я знаю столько же, сколько и вы, – признался он. – Нужна инфа. Кто идёт по следу, зачем, кто распорядился нас уконтропупить, причины. Надо поднимать связи, искать ответы на вопросы. Жаль, что Дорик убит, нам очень нужен сильный компьютерщик.

– Мой двоюродный брат работает в отделе компьютерной защиты при штабе Минобороны, – сказал Соломин. – Классный спец, уже майор. Могу предложить ему работу. Что надо?

– Покопаться в базе данных Управления спецопераций.

Соломин присвистнул.

– Он не хакер. Хотя почему бы и нет? Поговорю с ним, обрисую ситуацию. Параметры задачи?

– Дело Миркиса. Тайные пружины, секретные данные, политика, работа Комитета, чьи права он урезал, кого достал, кому перекрыл кислород.

Соломин и Ковеня переглянулись.

– Миркис был полной сволочью, – неуверенно сказал бывший капитан. – Мы же изучали досье на него.

– Никто и не сомневается, – сказал Гордеев. – Однако нам от этого не легче. Нужна адекватная информация по теме. Вообще касается всех – поиск дополнительных данных. Поднимайте свои связи, попытайтесь определиться, кому мозолит глаза наша команда. Только поосторожнее. Заметьте слежку – ложитесь на дно и предупредите остальных, не рискуйте.

– Кто не рискует, тот не пьёт... – начал Ковеня.

– ...валерьянку, – отрезал Гордеев.

3

На следующий день они снова собрались вместе.

На улице по-прежнему было жарко и душно, асфальт плавился под лучами солнца, и даже на седьмом этаже, где находилась явочная квартира, стояли запахи гудрона и пыли.

Закрыли форточки, включили кондиционер, полегчало.

– Веня взломал «сейф» МВД, – сказал Соломин, имея в виду закрытую директорию Министерства внутренних дел. – Там по делу Миркиса ничего особенного нет, только официальные данные. Генерала успокоили «террористы».

– У меня пока тоже ничего, – буркнул изнывающий от жары плотный Ковеня; он держал в руке запотевшую бутылку «Балтики». – Ни одна связь не работает. Кто уволился, кто переведён в другую контору.

Соломин посмотрел на Сэргэха.

– А ты что молчишь?

– Я плохо говорить рюски, – веско сказал «дипломатообразный» Лось.

Ковеня засмеялся.

Гордеев недовольно посмотрел на него.

– Нужен «язык», – продолжал Сэргэх нормальным голосом, практически без акцента. – Лучший «язык» в нашем положении тот, кто ставил перед нами задачу.

– Генерал Чернавский.

– Вот его и надо потрясти.

Гордеев оценивающе глянул на безмятежное с виду лицо «дипломата», перевёл взгляд на товарищей.

– Ваше мнение?

– А сможем мы достать генерала? – скептически хмыкнул Ковеня. – Нас осталось четверо, да и без снаряжения мы – что крокодил без зубов.

– Не лепи горбатого, крокодил, – махнул рукой Соломин. – Снаряжение мы найдём. У меня кое-что припасено. А вот пара профи команде не помешали бы.

– Где ты найдёшь профи?

– Я знаю одну девушку, – сказал Сэргэх.

– Девушку? – фыркнул Соломин.

– Она отличная гонщица, тусуется с аквабайкерами, хорошая спортсменка, лет пятнадцать занимается единоборствами. Два года назад бандиты убили её мужа и сынишку трёхлет-него.

Оперативники переглянулись.

– Уроды! – проворчал Ковеня.

– Возможно, она и хорошая спортсменка, но я против баб в команде, – сказал Соломин. – К тому же её ещё уговорить надо.

– Не надо, – качнул головой Сэргэх. – Она мне уже помогала. И она злая на мужиков, прошу учесть.

– Ты хочешь сказать – она их не любит? Или сильно наоборот?

– Хорошо, попробуем, – принял решение Гордеев. – Отвечаешь за неё. Начинаем работать. Первая фаза – слежка за генералом. Солома на контакте с братом: может, всё-таки удастся откопать нужную инфу через сайты «конторы». Готовим снаряжение. Я разрабатываю план контакта. Через три дня выходим на активную фазу. Приняли?

Все дружно соединили сжатые кулаки.

4

Первым слежку заметил Лось. Тут же сообщил остальным.

Команда «ощетинилась», отработала профессиональный «съём» «хвоста» и перенесла явку в квартиру двоюродного брата Соломина, компьютерщика, который согласился покопаться в базах данных спецслужб.

– Непорядок, однако, – сказал мрачный Ковеня, пригладив пальцем брови. – За нами пошли не любители, настоящие охотники.

– Тем более, надо ускорить выход на генерала, – сказал Соломин. – Командир, предлагаю прищучить Чернавского прямо в его кабинете, в «конторе». Чем наглее мы будем действовать, тем сложнее будет просчитать наши манёвры.

– Ты всегда отличался умом и сообразительностью, – поморщился Ковеня. – Если уж нас вычислили здесь, на третий день после встречи, то...

– Что? Нас никто не станет искать в «конторе». А ежели будешь сидеть, как пингвин, и прятаться в утёсах, как писал старик Горький, оперуху не провернёшь. Знаешь, как сейчас говорят? Глупый пингвин робко прячет, смелый нагло достаёт.

– Командир, у него крыша поехала!

– Отставить базар! – коротко сказал Гордеев. – Я тоже считаю, что действовать надо нестандартно и быстро. Вариант Соломы не идеален, но лучшего нет. Будем готовиться к походу в «контору». Лось, где твоя аквабайкерша? Я хочу с ней поговорить.

– Ждёт приглашения.

– Зови.

Сэргэх набрал номер, продиктовал кому-то адрес.

Несколько минут все терпеливо ждали, переглядываясь, когда придёт знакомая Лося.

Наконец, прозвенел звонок, Лось открыл дверь и ввёл в прихожую девушку, представил:

– Вика.

Соломин заулыбался, расшаркался:

– Виктор.

Ковеня кивнул, настроенный скептически. Женщин он воспринимал только в качестве производителей детей.

Гордеев встретил взгляд Вики, и сердце забило сильнее. Показалось, что он временно оглох. Еле сдержался, чтобы не потрясти головой, как конь, освобождаясь от странного ощущения.

В глазах девушки на миг протаяли насмешливые искры. Она почувствовала некий неосызаемый лучик интереса, связавший их эфемерным мостиком понимания и ожидания.

Вряд ли её можно было назвать красавицей, но Вика была миловидна, стройна, и в ней прятался некий чувственный призыв, след женской неустроенности, возбуждающий ответное желание защитить, помочь, стать необходимым.

– Мы, по-моему, где-то встречались, – сказал Соломин. – Вы, случайно, не учились в театральном?

– Нет, – сухо обронила девушка.

– Давайте о деле, – сказал Гордеев. – Вика, вы в курсе, что происходит?

– В курсе, – так же односложно ответила она.

Её лаконичность производила впечатление. Судя по всему, мужчин она и в самом деле недолюбливала.

– Вот план, – сказал Гордеев, выводя на дисплей схему предстоящей операции. – Расписан по минутам. В «контору» пойдут трое: я, Солома и Лось. Корень начнёт отвлекающие манёвры. Вы, Вика, понадобитесь нам на завершающей стадии операции как «медсестра». В

Управлении есть собственный медпункт, и вы получите вызов к генералу Чернавскому, которому внезапно «станет плохо». Теперь конкретика...

5

Утром 17 августа у двухэтажного здания в Старохолмском переулке, известном как строение 22 Управделами президента РФ, а на самом деле принадлежащем Федеральной службе безопасности, появился старый пикапчик «Фольксваген» с надписью на борту: «Лучшая пицца». Он попетлял по улице между припаркованными автомобилями, выехал на тротуар и врезался в одну из каменных колонн, обозначающих крылечко строения 22.

Тотчас же к пикапу сбежались охранники учреждения, удивлённые необычным инцидентом.

Из пикапа с трудом выбрался явно нетрезвый водитель в синей робе, с белой кепочкой «Пицца» на голове, усатый, с бородкой, горестно воззрился на разбитый передок машины.

Это был Ковеня.

Мимо него и охранников к зданию с интервалом в одну минуту прошли три человека: полковник Гордеев (документы были настоящими), старший следователь капитан Юкава (Лось) и капитан Дондурей (Солома). Документы у них были «липовыми», но практически неотличимыми от настоящих удостоверений сотрудников Управления спецопераций. Охранники, занятые разбирательством инцидента с пьяным водителем пикапа, не обратили на них особого внимания.

Точно так же поступил и охранник у турникета, пропустивший гостей без должного изучения документов. Гости шли уверенно и подозрений у охранника не вызвали.

Все трое поднялись на второй этаж здания, хорошо изучив расположение его помещений и коридоров.

Гордеев первым вошёл в приёмную Чернавского.

С тем же интервалом в одну минуту следом в приёмную уверенно прошли Лось и Солома.

Оружия у них не было, но все трое в совершенстве владели навыками бойцов спецназа и принялись действовать, исходя из предположения о наличии в приёмной и кабинете генерала систем видеоконтроля и обеспечения безопасности.

Секретарь-адъютант Чернавского, белобрысый, подтянутый майор с неподвижным угрюматым лицом, оторвался от дисплея компьютера, глянул на первого посетителя.

– Слушаю вас.

Гордеев издала показал ему своё удостоверение:

– Полковник Гордеев. Доложите генералу, что я прибыл.

Адъютант бросил взгляд на бумаги на столе.

– Вас нет в списке приглашённых.

– Меня генерал примет.

– Но я не имею...

В приёмную вошёл Лось. Он был чрезвычайно импозантен, важен, уверен в себе и значителен. Золотые очки придавали его виду определённую властную законченность. На лице Сэргэха явно читалось, что ждать он не привык.

– У меня срочное дело к Борису Самсоновичу.

– Э-э... – глянул на Гордеева адъютант. – Как о вас доложить?

– Старший следователь по особо важным делам Юкава.

– Сейчас спрошу. – Адъютант потянулся к селектору.

– У меня тоже важное дело, – сварливо сказал Гордеев, сделав два шага к двери кабинета Чернавского. – Майор, сообщите обо мне генералу, немедленно!

Лось посмотрел на него, как на деталь интерьера, тоже приблизился к двери.

– Вы подождёте, милейший.

– Это вы подождёте, милейший!

В приёмную вошёл Солома.

– О, здесь очередь?

Адъютант, переводивший неуверенный взгляд с одного посетителя на другого, встал из-за стола, взялся за ручку двери:

– Минуту, я доложу генералу о...

Гордеев сделал практически незаметный выпад пальцем, и закативший глаза белобрысый майор осел на пол. Солома и Лось подхватили его на руки, усадили на диванчик, прислонив к спинке.

Лось пробежался глазами по экрану компьютера, по клавиатуре селектора, набрал какой-то номер.

Гордеев распахнул дверь и скрылся в кабинете Чернавского. Генерал стоял у окна, выходящего в парк, и беседовал с кем-то по телефону. На стук двери он обернулся, произнёс несколько слов и застыл, открыв рот.

– Привет, Бугор, – весело сказал Гордеев.

Чернавский – невысокий, полный, с пышной вьющейся шевелюрой – очнулся, облизнул губы.

– Гордеев?

– Неужели я так сильно изменился?

Генерал бросил взгляд на стол, где располагались селектор, подставка с карандашами и ручками, плоский дисплей и клавиатура.

Гордеев покачал головой.

– Не стоит пытаться, Борис Самсонович, охрана всё равно не успеет. К тому же я пришёл с мирными намерениями. Зачем вы отдали приказ ликвидировать команду?

Чернавский хотел было нажать на мобильнике какую-то кнопку, и Гордеев метнулся к нему, ускоряясь до почти полного исчезновения. Ловко выхватил мобильник из руки генерала.

– Извините, Борис Самсонович, это лишнее. У меня очень мало времени, поэтому извольте отвечать быстро и конкретно. Мы оба знаем, что происходит. Итак, вопрос первый: зачем? Вопрос второй: кому это понадобилось? Не верю, что лично вам.

– Ты... отсюда... не выйдешь! – проговорил Чернавский сдавленным голосом.

– Выйду, – спокойно возразил Гордеев. – К тому же я не один.

– Сколько б вас ни было... Вы не представляете, с кем связались.

– Так просветите.

Лицо Чернавского внезапно покрылось испариной, покраснело. Он схватился рукой за грудь, зашатался.

– Я... программ... коне...

– Что с вами?!

– Кретин... сунул нос...

– Куда, чёрт поberi?!

– Не пове... – Чернавский сделал боком два шага к столу, рухнул на стул. – Во... ды!

Гордеев поискал глазами графин, обнаружил начатую бутылку тоника, подсунул генералу. Но тот не отреагировал на «жест доброй воли». Расширившиеся, ставшие безумными глаза Чернавского остановились, жизнь ушла из них.

Гордеев дотронулся пальцем до шеи генерала, пульса не нашупал.

– Черт!

В кабинет заглянул Соломин.

– Ну, что тут у вас? Помочь?

– Уходим!

Гордеев подтолкнул удивлённого Виктора к двери, выскочил из кабинета сам.

– Вика сейчас будет, – доложил Юкава-Лось.

– Отставить! Сворачиваемся! Все объяснения потом!

Привыкшие повиноваться члены группы подчинились приказу без лишних вопросов. Однако за дверью приёмной их ждал сюрприз.

Быстро идущий по коридору мужчина средних лет, одетый в бежевого цвета летний костюм, бросил на ходу Гордееву связку ключей:

– Подземная парковка, чёрный «Вольво S60», номер сто сорок шесть. Сесть и ждать!

Мужчина скрылся за дверью приёмной.

Гордеев колебался ровно две секунды.

– За мной!

Они спустились в подвал здания, превращённый в парковку для автомобилей Управления, сели в красивый чёрный «Вольво» с затемнёнными стёклами.

– Кто это? – подал голос Соломин.

– Не знаю, – ответил Гордеев, прислушиваясь к своим ощущениям: на душе было тревожно, но не до паники.

– Вика на улице, – доложил Сэргэх, закончив почти неслышные переговоры по мобильнику.

– Пусть уходит и ждёт звонка. Где Корень?

– В местном отделении ДПС, объясняется с инспекцией.

– Пусть уходит тоже и ждёт сигнала.

Лось снова взялся за мобильник.

– А не накроют нас здесь, как тараканов? – вполголоса заметил Соломин. – Тот тип увидит, что секретарь в отключке, а генерал и вовсе дуба дал.

Гордеев промолчал. Он думал примерно о том же и готов был действовать, поднимись тревога. Но её всё не было, сирены и звонки молчали, и появившиеся на стоянке сотрудники Управления вели себя спокойно.

Наконец, в машину сел мужчина в бежевом костюме. Молча включил двигатель, вывел «Вольво» наверх. Ворота открылись автоматически, и машина выехала с территории Управления.

6

Остановились в каком-то тупике на Старой набережной, за шеренгами пыльных кустов. Хозяин «Вольво» заглушил мотор, посмотрел на сидевшего рядом Гордеева, оглянулся на пассажиров на заднем сиденье. Покачал головой, усмехнулся.

– Не уследили мы за вами.

– Вы кто? – угрюмо поинтересовался Гордеев.

– Пришелец без пальто, – снова усмехнулся водитель. – Я полковник Сергеев, Вадим Зосимович. Начальник второго научно-технического отдела «конторы». Какого дьявола вас понесло к Чернавскому?

Гордеев покосился на спутников.

– Откуда вы знаете о нас?

– Вы были лучшей командой, когда-либо сформированной в Управлении.

– И поэтому нас решили замочить? – хмыкнул Соломин.

– Вы стали опасными свидетелями.

– Чего?

– Смены власти.

– Но ведь эта самая власть с нашей помощью решила одну из своих проблем!

– Власть проблем не решает, она их финансирует.

Пассажиры «Вольво» переглянулись.

Сергеев засмеялся.

– Мне нравится ваша реакция. Теперь поговорим серьёзно. Рассчитываю на ваше терпение и креативность, так как речь пойдёт об очень необычных вещах. Вы фантастикой не увлекаетесь?

Гордеев озабоченно потёр щёку пальцем.

– Это имеет какое-то отношение к теме разговора?

– Прямое.

– Нет, я фантастику не читаю.

Лось промолчал.

Соломин пожал плечами:

– Читал в детстве: Беляев, Ефремов, Уэллс...

– Вам будет легче воспринимать мои слова. Жизнь на нашей красивой планете контролируется...

– ...зелёными человечками, – фыркнул Соломин.

Гордеев бросил на него предупреждающий взгляд.

Соломин засопел:

– Шутка.

– Не зелёными и не человечками, – серьёзно возразил Сергеев. – Это две разумные системы с разными подходами и целями. Назовём их для определённости «змеями» и «ящерами».

– Почему не крысами? – не удержался Соломин, виновато посмотрел на Гордеева, поднял руки вверх. – Всё, больше не буду.

– Этот контроль осуществляется давно, больше десяти тысяч лет, с тех пор, как «змеям» удалось столкнуть лбами две земные цивилизации.

– Кажется, я читал: Гиперборею и Атлантиду, верно?

Сергеев не обратил внимания на реплику Соломина.

– Однако в последнее время верх начала брать система «ящеров», которая провела ряд успешных операций и нейтрализовала влияние «змей» на американских континентах и в Азии.

Теперь она занялась Россией. Ликвидация господина Миркиса, ставленника «змей», с вашей помощью как раз является одной из таких операций «ящеров», на которых работал и Чернавский. Теперь понимаете, в разборки какого уровня вы вмешались?

– Вы шутите? – недоверчиво спросил Соломин.

– Когда мне рассказали эту историю, я отреагировал точно так же.

– Допустим, мы поверим в вашу сказку, – проговорил Гордеев. – Кого представляете вы? «Змей», «ящеров»?

– Ни тех, ни других. Я один из сотрудников системы «Триэн», которая пытается нейтрализовать внешнее давление на цивилизацию.

– Что такое «Триэн»?

– Аббревиатура слов «Никого Над Нами». Человечеством управляли так долго и бездарно, что пора с этим кончать. Мы пытаемся создать организацию, которая смогла бы освободить людей и от «змей», и от «ящеров».

– Ну, и как, получается? – прищурился Соломин.

– Информационный уровень противостояния нам уже доступен, оперативный ещё нет. Вот почему мы тоже ищем профи вашего класса, которые стали бы с нами работать.

– А если мы не захотим?

Сергеев улыбнулся.

– Разве у вас есть выбор?

– То есть вы хотите сказать, что, если мы не согласимся, вы нас закопаете?

– Уймись, Солома, – сказал Гордеев. – Всё это пока слова, нужно подтверждение.

– Мы его вам предоставим.

– И нам нужно подумать.

– Вылезайте.

Переглянувшись, Гордеев, Соломин и Сэргэх вылезли из машины. Полковник подал Гордееву блеснувшую металлом пуговку.

– Читайте, смотрите, размышляйте. В конце мой номер телефона. После просмотра флешка самоликвидируется. Что бы вы ни решили – звоните.

Урча мотором, «Вольво» развернулся, уехал.

Соломин сплюнул под ноги, сунул руки в карманы.

– Бред!

– Что будем делать? – вежливо спросил Сэргэх.

– Звони Корню, Вике, поедem посмотреть материал.

– Интересно, как им удастся замять скандал, если генерал и в самом деле дал дуба? – поинтересовался Соломин.

Гордеев не ответил.

Пришло вдруг ощущение разверзающейся под ногами бездны, подул ледяной ветер, по спине побежали мурашки. Он представил масштаб контроля, осуществляемого «змеями» и «ящерами»: не над одним человеком, не над группой и даже не над отдельной страной – над всем человечеством, – и ему стало неудобно.

7

Вторая встреча с полковником Сергеевым, речь которого Соломин эмоционально оценил как «бред», состоялась в пансионате «Зелёные дали». Пансионат принадлежал Главному управлению исполнения наказаний и располагался в двадцати километрах от Москвы, на берегу небольшого красивого озера.

Гордеев, Соломин, Сэргэх и Вика прибыли туда как обычные отдыхающие, на двое суток – с пятницы по воскресенье; путёвки им, естественно, обеспечил Сергеев. Корень, сыгравший роль пьяного водителя пикапа, подъехал к ним как гость, совершенно преобразившись. Он тоже был очень талантливым актёром, и даже Гордеев не сразу признал в «вальяжном чиновнике презрительного вида» бывшего капитана спецназа ГУИН.

На берегу озера стояли мангалы, беседки, в одной из которых и собрались члены группы, якобы для «полнометражного» отдыха с шашлыками и пивом. Сергеев подошёл позже, в сумерках, вместе с молодой девушкой по имени Алина, оказавшейся его дочерью и – как выяснилось позже – координатором центрального трикстера, то есть офиса «Триэн».

Соломин обратил внимание на ещё одну компанию неподалёку, а также на подплывшую ближе весёлую лодку с двумя парнями, и Сергеев его успокоил:

– Это наши.

Начали жарить шашлыки.

С виду их компания ничем не отличалась от таких же отдыхающих, но если бы кто-нибудь мог подслушать разговоры мужчин, он бы принял их за сбежавших из психбольницы пациентов. Тем не менее никто из присутствующих уже не сомневался в реальности структуры «Триэн», а материал о наличии контроля над деятельностью цивилизации, усвоенный Гордеевым и его товарищами, не оставлял места для сомнений.

Системы «змей» и «ящеров» существовали в действительности и очень тонко управляли процессами, структурирующими современный социум.

Россию контролировали «ящеры», удачно воспользовавшиеся группой Гордеева для своих целей. Они же «пасли» Индию, почти всю Центральную Азию и Китай, половину Африки.

«Змеи» вели обе Америки, Австралию, Полинезию и Южную Африку.

И обе системы не упускали момента, чтобы потеснить соперника, воспользоваться его ресурсами или сменить лидеров властных институтов, как это случалось чуть ли не каждый месяц в той или иной стране.

– Ну, хорошо, вы меня убедили, – сказал Соломин после двух часов «шашлычного отдыха». – Нами управляют «змеи», «ящеры» и всякая сопутствующая им шелупонь. Что с того? Чего вы хотите от нас?

– Разве ты ещё не понял? – криво улыбнулся «чиновник»-Корень. – Нас попросят кого-нибудь замочить.

– Не совсем, – остался спокойным Сергеев. – Одним «мочиловом» не обойтись. Мы предлагаем вам полноценное долговременное сотрудничество. Материалы, которые вы изучили, дают лишь общую картину проблемы. На самом же деле взаимодействие контролирующих Землю систем и пересечение потоков их интересов намного сложнее и масштабнее.

– Как же они вас терпят? – хмыкнул Соломин. – Неужели не догадываются о существовании организации?

– Не догадываются – знают, – вмешалась в разговор Алина, исподтишка наблюдавшая за каждым участником беседы. – Их возможности много шире наших, и бывали случаи, когда наши руководители уничтожались вместе с центрами управления.

– Причём необязательно в результате каких-то спецопераций, – добавил Сергеев. – Достаточно было сориентировать спецслужбы определённых государств, чтобы нас начали искать как «террористов» или криминальных воротил. К примеру, распад СССР являл собой крупную диверсию «змей», в результате чего они получили доступ к управлению более мелкими государствами: Украиной, Эстонией, Латвией, Литвой, Туркменистаном, а потом добрались и до Югославии и Чехословакии. Однако все эти данные вместе с анализом ситуации вы получите, если...

– Если согласимся с вами работать, – закончил Гордеев, чувствуя на себе взгляды двух женщин: и Вика, и Алина почему-то больше изучали его поведение, нежели реакцию остальных членов группы. Впрочем, вполне возможно, объяснялось это тем, что он был старшим в группе.

– Разумеется, – согласился Сергеев.

– И всё же вы не ответили на вопрос, – впервые заговорил молчаливый Лось. – Мы имеем право отказаться?

– А вы оцените сами, – усмехнулся Сергеев. – Вы получили доступ к секретной информации и являетесь носителями чужих тайн, от которых зависит судьба цивилизации. Ни много ни мало. Но даже если мы отпустим вас, «ящеры» всё равно будут вас преследовать до тех пор, пока не ликвидируют по одному. А возможностей у них, повторюсь, хватает.

– Сволочи! – сказал Корень индифферентно, неизвестно кого имея в виду.

– Вас было семеро, – тихо напомнила Алина. – Осталось четверо. Убиты также сотрудники Управления, принимавшие участие в экипировке и компьютерном сопровождении операции с Миркисом.

Бойцы Гордеева переглянулись.

– Я бы подождал... – начал Соломин.

– Как это выглядит? – перебил его Гордеев. – Все мы смотрели американские блокбастеры типа «Люди в чёрном», «Люди Икс»...

Сергеев засмеялся и тут же перестал:

– Простите.

Алина улыбнулась.

– Не поверите: эти фильмы оплачены и сняты по заказу «змей», чтобы люди не верили ни в каких пришельцев. Так легче управлять массами. В то время как система контроля работает и её метастазы охватили практически весь наш мир.

– Самая большая победа дьявола...

– Что?

– Существует пословица: самая большая победа дьявола кроется в том, что он сумел убедить людей, будто его не существует.

– В самую точку, – кивнул Сергеев. – Хотя есть и другая пословица: бог любит, когда все знают, что он есть, но не любит, когда его ищут.

– Бог? – в сомнении поднял брови Соломин. – Кто же из них взял на себя роль бога? «Змеи» или «ящеры»?

– Не цепляйтесь к словам, всё намного сложнее, чем вы себе представляете. По возможностям все контролёры почти боги, по этическим критериям – дьяволы. Но об этом мы ещё поговорим, если не возражаете.

– Как они хотя бы выглядят? В вашем досье нет ни намёка на внешний вид тех и других. Сергеев посмотрел на дочь.

Алина заколебалась было, но поняла, что отказ удовлетворить просьбу присутствующих будет выглядеть странно, и достала изящный смартфон с объёмным дисплеем.

Над окошечком смартфона встал зелёный лучик, развернулся в почти невидимый световой конус, внутри которого протаяло изображение.

– Обыкновенная баба, – сказал Соломин недоверчиво.

– Маскер, – сказала Алина.

Фигурка женщины в конусе видеообъёма изменилась. Лицо её стало плоским, затем щёки провалились, нос вытянулся вперёд, глаза превратились в узкие щели.

– Мама моя! – пробормотал Соломин. – Что это?!

– «Змея», – спокойно сказал Сергеев. – Человеческий облик – это камуфляж. Контролёры не внедряются в живые объекты, как в фильмах ужасов, но их техника позволяет создавать идеальные «кибернетические контейнеры» для работы эмиссаров на Земле.

– А как выглядит «ящер»?

Алина коснулась ногтем кнопочки на смартфоне.

Женщина-«змея» в конусе экранчика исчезла. Вместо неё появился мужчина в строгом костюме.

– Мужик? – оглянулся на Гордеева Соломин. – Почему мужик?

– «Ящеры» крупнее по габаритам, – пояснил Сергеев. – Поэтому им легче маскироваться под мужчин. Кстати, и «змеи», и «ящеры» имеют не два, а три пола, главным из которых, так сказать, рабочим, является «средний», обезличенный.

– Гермафродиты? – фыркнул Соломин.

Лицо мужчины в конусе видеоэкраника искривилось, поплыло, приобрело очертания звериного черепа, чем-то действительно похожего на череп динозавра.

– Так он выглядит в натуре, – тихо проговорила Алина, одним движением выключила смартфон, поднялась. – До свидания. Не раздумывайте долго, звоните.

Полковник и его дочь вышли из беседки, направились к берегу озера, сели в подплывшую лодку. Лодка быстро пересекла озеро.

Следом за ними разбрелись и другие «любители шашлыков», отдыхавшие неподалёку. По-видимому, сотрудники «Триэн» получили приказ об окончании операции.

Стало совсем тихо.

Солнце село. Похолодало. Над озером поплыли струйки тумана. По берегу озера зажглись фонари.

«Чиновник»-Корень пригладил шевелюру, посмотрел на Гордеева.

– Я человек простой. Может, послать их на хрен? Пусть сами разбираются со всеми этими «змеями» и «ящерами». Свяжешься с такими, неприятностей не оберёшься.

– Неприятности приходят и уходят, – меланхолично заметил Сэргэх, – а их творцы остаются.

– Ты что, Лось? – удивился Соломин. – Хочешь податься в наёмники?

– А ты хочешь жить спокойно, зная, что нас дёргает за ниточки всякая нечисть? – усмехнулся Сэргэх.

– Ну, допустим, меня никто не дёргает.

– Я «за», – проговорила вдруг Вика.

Все оглянулись на неё.

Гордеев поднялся, тряхнул плечами, разминаясь, сбежал на дорожку.

– Кто со мной купаться?

Четыре пары глаз уставились на него настороженно и оценивающе. Хотя Вика, наверное, уже догадалась, какое решение он принял.

– Я с вами, командир.

– Купальник есть?

– Можно и без купальника.

– Тоже верно.

Вика сошла на траву и направилась вслед за Гордеевым.

Оставшиеся в беседке мужчины обменялись взглядами.

– Пожалуй, я тоже окунусь, – сказал Соломин и побежал к берегу, на ходу стаскивая с себя рубашку.

Лось молча двинулся за ним с бутылкой минералки.

Корень остался один, глядя на купающихся, прислушиваясь к их весёлым голосам. Потом крикнул, плеснул в стакан из почти непечатой бутылки водки, выпил и тоже побрёл к берегу, насвистывая какой-то мотивчик.

Над ним с тихим жужжанием пролетело какое-то крупное насекомое.

Корень поднял голову, погрозил небу пальцем:

– Не подсматривай!

Впрочем, он бы не сильно удивился, узнав, что «насекомое» является летающей телекамерой. Нанотехнологии в настоящее время могли создавать и более миниатюрные аппараты.

8

Два месяца спустя Гордеева пригласили в офис центрального трикстера «Триэн», располагавшийся в здании «Газпрома» в Москве на вполне законных основаниях: глава трикстера являлся одновременно и начальником службы безопасности «Газпрома».

Каким образом триэновцы сумели организовать свой офис в самом сердце охраняемого, как Кремль, здания, напичканного электронными сторожевыми системами и телекамерами, можно было только догадываться.

Но, попав в офис, Гордеев увидел суперсовременный интерьер, новейшие объёмные дисплеи компьютеров, системы шумоподавления и проникся важностью и значимостью того дела, каким занималась «Триэн».

Глава трикстера также оказалась женщиной, как и её «правая рука» Алина Сергеева, которая встретила и проводила гостя в офис. Звали её Брониславой Константиновной.

Кабинет Брониславы был небольшой, однако сформированный в стиле мобайл, полностью автоматизированный, сверкающий металлом и стеклом. Он произвёл на Гордеева большое впечатление.

Начальника группы усадили в красное кожаное кресло, предложили кофе, и ему пришлось согласиться, хотя кофе он не любил.

Брониславе Константиновне на вид было около сорока. Оказалось – и она сама затронула эту тему, – что ей далеко за шестьдесят. В юности она увлекалась спортом – бегала на длинные дистанции, завоёвывала медали – и продолжала следить за фигурой и позже, в зрелом возрасте. Волосы у неё были короткие, с рыжеватым отливом, а строгое лицо всегда хранило суровое непреклонное выражение, что говорило о жёстком решительном характере руководителя российского отделения «Триэн».

С минуту поговорили о самочувствии всех членов группы, об их психическом здоровье, об устройстве на новом месте: все четверо плюс Вика жили теперь на базе «Триэн» под Волоколамском. Затем необязательные, по мнению Гордеева, разговоры закончились, и Бронислава Константиновна вперила в его лицо прямой взгляд.

– Вы готовы выполнить задание?

Гордеев, давно ждавший этого вопроса, кивнул.

– Группа тренируется, все в тонусе.

– Отлично. Тогда посмотрите на этого человека.

Над полусферой дисплея встало призрачное объёмное облачко, внутри которого проявилась фигура человека.

– Сурко, – сказал Гордеев озадаченно.

– Совершенно верно, – согласилась Бронислава Константиновна. – Глава Федеральной счётной палаты.

– Неужели он тоже чей-то резидент? – удивился Гордеев.

– Он куратор тестуд-операнда в России.

– Чёрт побери! Вы хотите сказать, что он – «ящер»?!

– Изредка куратор использует своего двойника, поэтому нам нельзя ошибиться. После того как мы его... э-э... нейтрализуем, его место займёт наш человек.

– Понятно. – Гордеев вдруг вспомнил последнюю операцию. – Значит, Миркиса на его посту тоже заменил протезе «ящеров»?

– К сожалению, вы правы. Мы не успели подготовить замену. Поэтому генерал Кириенко, сменивший Миркиса, тоже должен... э-э... уйти в отставку. Только после этого его место сможет занять наш ставленник.

– Вы думаете, это поможет?

Бронислава Константиновна сдвинула брови.

– Вы должны были изучить нашу стратегию.

– Изучал, помню: постепенное замещение эмиссаров «змей» и «ящеров» на сотрудников «Триэн», воспитание собственного электората, молодой смены, и в финале – единовременная акция по ликвидации всей сети пришельцев.

– Тогда к чему ваши вопросы?

Гордеев пожал плечами.

– Вы же сами говорили, что чужаки имеют гораздо больше возможностей, чем наши технари. Они просто задавят нас.

– Не задавят, мы тоже... – начальница «Триэн» искала слова, нашла: – ...не лаптем щи хлебаем. У нас отличные консультанты... – Бронислава Константиновна осеклась. – Короче, полковник, вы согласились работать...

– Да я и не отказывался, – сказал Гордеев, размышляя, о каких консультантах шла речь. – Давайте вводную.

– Вводную вы получите у координатора трикстера. Хочу только предостеречь вас от каких-то поспешных выводов при получении той или иной информации. Если что-то недопонимаете, лучше спросите у компетентных людей.

– Вы о чём? – не понял Гордеев.

– Приобрести опыт, не подвергаясь опасности, всё равно что жить, не будучи рождённым. – Собеседница дала понять, что аудиенция закончена.

Гордеев встал, вышел из кабинета, представляя, как сейчас за ним наблюдает охрана через зрачки телекамер. Захотелось узнать, как работает система защиты офиса при полном отсутствии – с виду – охранников, но мысль мелькнула и исчезла.

В коридоре его встретила Алина.

9

«Мечта», яхта господина Сурко, ничем не отличалась от яхт известного российского олигарха, имела на борту ракетный противовоздушный комплекс «Гарпун», два вертолѐта и мини-субмарину. Хотя о приобретении яхты главой Федеральной счётной палаты широкая общественность не знала. Казалось бы, подобраться к ней незамеченным или прокрасться на борт невозможно. Однако после недолгих размышлений Гордеев избрал именно этот вариант, зная, что сверхнаглая и сверхбыстрая атака часто неудержима.

Шестнадцатого октября яхта снялась с якоря в Калининградском порту и отправилась в море.

Семнадцатого она прошла между Оркнейскими и Шетлендскими островами, миновала остров Рону и взяла курс в океан. В планах её владельца было посещение многих экзотических островов, а также двухдневная стоянка у острова Южная Георгия.

Почти вся группа Гордеева, получившая необходимое спецоборудование для проведения операции, ждала появления яхты на траверзе Азор, находясь на борту подводной лодки. Отсутствовала только Вика. Ей удалось, не без помощи триэновцев, естественно, устроиться на борт «Мечты» в качестве тренера по аквабайку. Прежний тренер внезапно попал в больницу с острым приступом аппендицита, а господин Сурко очень любил этот вид спорта и зачем-то хотел освоить приобретѐнный командой катерок «Анаконда».

Подводная лодка, не имевшая никаких опознавательных надписей и номеров на борту, принадлежала Управлению спецопераций и являла собой новейшее судно с большим запасом хода. Она двигалась под водой со скоростью 36 узлов, практически бесшумно, могла нырять на глубину до 400 метров, и обнаружить её в водах океана было очень трудно.

В принципе Гордеев привык к тому, что обеспечение подобных спецопераций поддерживается на высочайшем уровне, в соответствии с возросшими научно-техническими достижениями военспецов, но использовал современную субмарину, пусть и небольшую, для поддержки операции впервые.

Восемнадцатого октября подводная лодка всплыла ночью посреди Атлантики, в 50 милях от идущей тихим ходом яхты Сурко. Из её недр был извлечѐн небольшой парусник типа «Хамсин», на каких любят форсить молодые миллионеры. На борт парусника перешли Алина Сергеева и её молчаливый спутник, который должен был сыграть роль миллионера: красивый, мускулистый, загорелый, уверенный в себе. После этого лодка погрузилась в океан и затаилась.

Рано утром девятнадцатого октября экипаж «Мечты» получил сигнал бедствия. А ещё через полтора часа впереди по курсу появился и источник сигнала – перевернувшийся парусник с ярким именем по борту: «Фортуна».

Под его форштевнем в резиновой лодке сидели всего два пассажира, точнее, владелец парусника англичанин ливийского происхождения Эбрэхем Найт и его спутница Ангелина Брайан. По их словам, восточный ветер отнёс их судёнышко в океан, потом в паруснике открылась течь, он перевернулся, но, к счастью, не затонул. Найту даже удалось пробраться в рубку и включить сигнал SOS.

Посоветовавшись с владельцем яхты, капитан «Мечты» приказал матросам взять терпящих бедствие англичан на борт, и яхта отправилась дальше. Капитан пообещал посадить молодую пару в ближайшем португальском порту.

В этот момент субмарина, притаившаяся в глубинах океанских вод, бесшумно всплыла на глубину и выпустила отряд аквалангистов – то есть группу Гордеева в полном составе. Аквалангисты добрались до киля яхты и с помощью спецприспособлений закрепились вокруг устроенного в её днище люка, через который яхта могла десантировать собственную мини-подлодку

или аквалангистов. После этого им оставалось только ждать, когда агенты «Триэн» на борту «Мечты» начнут действовать.

«Момент истины» наступил в два часа ночи двадцатого октября.

Вика нашла «спасённую» пару яхтсменов, обрисовала порядки на борту судна, и троица приступила к операции.

Поскольку коридоры, мостики и лестницы на яхте просматривались телекамерами, надо было сначала обезвредить систему наблюдения, для чего Вика направилась в центральную ходовую рубку, в которой находились всего два человека: старший помощник капитана и дежурный навигатор. Они спокойно играли в шахматы, изредка бросая взгляды на экраны мониторов. Всем хозяйством яхты управлял компьютер, который контролировал в том числе и системы безопасности судна, поэтому можно было особо не напрягаться, имея на борту важную персону.

Вика постучала, отвлекая играющих мужчин. Ей открыли, не ожидая никакого подвоха от симпатичной тренерши босса, и она двумя ударами отправила старпома и навигатора в глубокий сон. После этого к ней присоединились и Алина со своим спутником.

Сначала они впустили группу Гордеева, перепрограммировав устройство открывания нижнего водолазного люка таким образом, чтобы компьютер при срабатывании замков не включил тревогу. Однако Алина предпочла перестраховаться, для чего направила на нижнюю палубу Вику, которая тем же манером отвлекла двух охранников, лениво потягивающих из банок пиво.

Парни, естественно, попались на удочку, завязалась игривая беседа, а когда сработали замки и начали открываться створки люка в сухом днище под мини-подлодкой, Вика легко справилась с отвлёкшимися охранниками, сбросив одного за другим в бурлящую воду. Назад они уже не всплыли.

Бойцы Гордеева выбрались на бортик бассейна с закреплённой в нём мини-субмариной, освободились от аквалангов и гидрокостюмов.

Вика молча подняла вверх кулак и показала пальцем, куда надо идти. Отряд бесшумно направился к лестнице на вторую палубу.

К этому моменту Алина и Эбрэхем Найт разобрались с компьютером яхты окончательно и могли теперь управлять системами теленаблюдения и тревожного режима. В результате Гордеев с бойцами беспрепятственно добрались до рубки и присоединились к триэновцам.

Общее совещание длилось две минуты.

Алина подала сигнал к началу финальной стадии операции. Группа двинулась вперёд, приготовив оружие. В рубке осталась Вика, контролирующая через телекамеры всё движение в коридорах и отсеках яхты.

Соломин обратил внимание Гордеева на то, как были вооружены Алина и Эбрэхем Найт: «Посмотри, командир, ты когда-нибудь видел такие «пушки»? – но Гордеев молча ткнул его в плечо, давая понять, что это не его дело.

Апартаменты владельца яхты располагались на второй палубе, за гостиной, имея три выхода, причём один из них вёл на третий уровень судна, а оттуда к мини-субмарине. Этот выход пришлось перекрыть в первую очередь, чтобы господин Сурко не смог ускользнуть с помощью подлодки.

– Открывайте огонь на поражение, – сказала Алина Корню, которого решили оставить здесь, – как только заметите какое-нибудь движение. Сурко – не человек, и его динамика намного лучше вашей.

– Хорошо, – пожал плечами Ковеня.

Разделились на две небольшие группы: Алина и Эбрэхем Найт направились ко второму выходу из каюты Сурко, Гордеев с Лосем и Соломиным – к гостиной.

Однако гостиная охранялась, у её двери топтался сурового вида толстяк в синей форме, с автоматом через плечо, поэтому пришлось прибегнуть к отвлекающему манёвру.

Передали о препятствии Алине, она вернулась, разделась и вышла вперёд в одном купальнике. Пока обалдевший охранник хлопал глазами, его тихо сняли из бесшумного «Бизона».

Алина оделась, тонкой усмешкой ответив на взгляд Гордеева, и группа направилась дальше, не производя никакого шума. Вике в рубке даже показалось, что по кораблю движутся призраки, а не люди, о чём она, естественно, никому не сказала.

Сняли ещё двух охранников в самой гостиной – уже без помощи Алины. Затем Вика на несколько мгновений отключила систему защиты апартаментов, чтобы отдохавший в них Сурко не смог случайно увидеть десант: у него был свой монитор телесети, а также комплекс спутниковой связи, – и группа с помощью тихого направленного взрыва разнесла дверь в его каюту.

10

Нельзя сказать, что их ждала засада. Всё-таки действовали десантники профессионально и шума создавали не больше, чем мыши в норке. И всё же первых бойцов группы, Солому и Лося, ворвавшихся в апартаменты Сурко, встретил кинжальный огонь из двух автоматов с насадками бесшумного боя.

Гордеев почувал неладное за мгновение до того, как нырнуть в дымящийся проём двери.

– Ложись! – рявкнул он, бросаясь на пол и отвечая длинной очередью из такого же бесшумного «Бизона».

Однако было уже поздно.

Соломин получил пять пуль в грудь, и, хотя нитридный бронежилет выдержал, удары пуль, выпущенных с расстояния всего в пять метров, отбросили его назад и сработали как оглушающие удары молотом.

Лось тоже владел чувством «ветра смерти», вложенным в его психику на уровне инстинкта, поэтому он упал на пол практически вместе с Гордеевым. Но пули всё же пропахали ему спину, одна отрикошетила, порвав ухо, и бывший «капитан ФСБ Юкава» выбыл на какое-то время из боя.

Тем не менее очередь Гордеева достала одного из охранников, заставила второго искать укрытие за экзотической формы диваном, и Гордеев успел прокатиться мячиком по полу большой, роскошно обставленной каюты с огромными квадратными окнами и замереть по другую сторону дивана.

Время как бы замедлилось, сгустилось, превращаясь в призрачную субстанцию, живущую отдельно от происходящего.

Стук сердца показался Гордееву громом в наступившей пугливой тишине.

Он заметил мелькнувшую под диваном тень, перекатился влево, выстрелил. Охранник, вознамерившийся сменить позицию, получил пулю в ухо и в падении с грохотом разнёс витрину с красивыми кубками, встроенную в стену.

Гордеев вскочил, держа под прицелом открытую дверь в спальный отсек каюты... и отлетел к противоположной стене от сильнейшего удара в грудь! Едва не потерял сознание! Но инстинкты сработали без промедления, и он, ударившись всем телом о стену каюты, заученно соскользнул на пол, как струя воды. Перекатился вправо, рывком поднялся на ноги, пытаясь разглядеть нового противника сквозь кровавый туман в глазах... и снова отлетел назад от такого же мощного, тупого, принятого всем телом удара!

Сознание на мгновение помутилось.

Однако тело продолжало выполнять защитно-активную программу, «вбитую» в подсознание двумя десятками лет тренировок, и он не свалился замертво, а попытался уйти с линии атаки противника.

Как известно, адепты боевых искусств осознанно вводят себя в состояние «немысли», так как тело при этом реагирует на угрозу адекватно ситуации и гораздо быстрее, чем сознание. Точно так же состояние «немысли» спасло Гордеева от третьего удара (выстрела, как потом оказалось, из оружия, которым владел Сурко и о котором отечественная военная наука ничего не знала).

Гордеев буквально «исчез» и «проявился» в двух метрах от того места, куда его унесла инерция удара. Третий выстрел Сурко пришёлся на ещё одну нишу с красивыми вазами, разнося их на куски.

И в этот момент в схватку вмешались Алина и её спутник, проникшие в каюту Сурко с другой стороны. Сквозь рассеивающийся туман в глазах Гордеев увидел необыкновенную картину – бой Эбрэхема Найта с «ящером»-Сурко.

Алину Сурко успел отправить в нокаут, выстрелив в неё из того же оружия, что сразило Гордеева (впоследствии выяснилось, что это разрядник гравитационных импульсов), а вот Найт сумел уклониться и выбить странной формы пистолет из руки Сурко.

Впрочем, тот, несмотря на комплекцию тяжеловеса, владел скоростным режимом не хуже, змеиным приёмом достал противника, выбил у него из руки оружие, и они схватились врукопашную.

Гордеев впервые в жизни увидел, как дерутся пришельцы!

Что Эбрэхем Найт – неземлянин, стало ясно уже в первые мгновения схватки. Он двигался иначе, не так, как человек. И намного быстрее!

Однако это обстоятельство не сразу принесло ему ощутимое преимущество, поэтому прошло минуты три, прежде чем стало понятно, что Найт побеждает. Он сделал несколько стремительных выпадов руками и ногами, опять же – совсем не по-человечески, со все той же «животной грацией», отчего у Сурко появились длинные алые полосы на плечах и на животе (дрался он полуголым, в одних шортах). Затем рука Найта вонзилась в горло противника, и Сурко, быстро-быстро семеня ногами, отбежал к двери в спальню, держась за горло. Из-под рук его скатился на грудь ручеек крови.

Эбрэхем Найт остановился, глядя на противника ничего не выражающими глазами.

Сурко сделал движение, словно хотел присесть и схватить что-то на полу.

Алина, пришедшая в себя, выстрелила.

Во лбу Сурко появилась дырка, голова его дёрнулась, и он тяжело упал навзничь, шаря вокруг себя окровавленными руками.

Алина выстрелила ещё раз.

Сурко затих.

Гордеев с внутренним скрежетом встал, чувствуя себя так, будто по нему не раз проехался асфальтовый каток.

Лицо Сурко стало изменяться, в несколько мгновений посерело, взбугрилось, превратилось в ящеровидную морду с оскалившимся ртом-пастью. Зеленоватые, глубоко запрятанные глаза ещё некоторое время светились изнутри, потом подёрнулись матовой плёнкой, застыли. Кожа по всему телу сморщилась, приобрела зеленовато-серый оттенок, стала похожа на крокодилию.

– В кубриках началось движение! – раздался в наушниках раций голос Вики. – Тревога!

– Уходим! – бросила Алина. – Забирай его.

Найт легко взвалил на плечо безвольное тело Сурко, также потерявшее человеческую форму. По-видимому, камуфляжная система «ящера» перестала работать, и глазам оперативников группы стал доступен его настоящий вид.

Гордеев тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Алина посмотрела на него.

– Полковник, не теряйте времени!

Гордеев очнулся, подошёл к Соломину. Тот заворочался, слабо ругаясь.

Зашевелился и Лось.

– Сможете идти?

– Я весь в дырках, – пробормотал Соломин, цепляясь за протянутую руку. – Что тут произошло?

– Потом, потом, вставай.

Эбрэхем с Алиной нашли люк, ведущий на нижнюю палубу, начали спускаться. За ними полезли оглушённые, с трудом передвигающиеся бойцы Гордеева.

К гостинной сбежались охранники, встреченные огнём Гордеева. Отступать пришлось, выдерживая плотный автоматный огонь, огрызаясь короткими точными очередями.

Внизу, в отсеке с подлодкой, отступающих встретил потный взволнованный Корень, с оторопью поглядывающий на тело бывшего главы Федеральной счётной палаты.

– В лодку! – скомандовала Алина.

– Там осталась Вика! – оскалился Сэргэх.

– Она выберется самостоятельно.

– Мы должны подождать её!

Алина направила ствол пистолета-пулемёта на Лося.

– Сорвём операцию!

Гордеев упёр ей в висок ствол своего «Бизона».

– Мы подождём!

В руке Эбрэхема Найта появилось оружие.

Все замерли.

– Вика, за борт! – проговорила Алина в бусину рации на губе.

– Ухожу! – отозвалась спутница Лося.

– Ну? – Алина посмотрела на Гордеева. – Довольны? Мы подберём её в море.

Бойцы протиснулись в открывшийся люк верхней гондолы мини-субмарины, и подлодка погрузилась в воду.

Охранники яхты рискнули войти в отсек только спустя минуту после того, как помещение опустело.

11

Два часа спустя десантники смогли пересестись с мини-подлодки на борт основной субмарины, захватив с собой и Вику, сумевшую воспользоваться суматохой на яхте и нырнуть в воду в акваланге. В небольшой кают-компании субмарины состоялось совещание всех участников событий, которое начала Алина. Отсутствовал лишь Эбрэхем Найт, что не понравилось Соломину. Он потребовал, чтобы спутник Алины тоже прибыл на «разбор полётов».

– Он... занят, – с небольшой заминкой сказала дочь полковника Сергеева.

– Кожу с «ящера» сдирает? – усмехнулся Корень, имея в виду убитого Сурко.

Алина посмотрела на него с недоумением, потом поняла, что Ковеня шутит.

– Что за бред! Он занят... своими делами.

– Пусть придёт, у нас к нему есть вопросы.

– Здесь командую...

– Позовите! – перебил её Гордеев.

Алина заколебалась, глядя на затвердевшее лицо командира группы, потом вышла и через минуту пришла с Найтом.

– Итак, начнём.

– Давайте начнём мы, – сказал ершисто настроенный Соломин. – Кто этот отважный господин Найт?

– Сотрудник «Триэн»...

– Он не человек, это заметно. Кто он? Робот? Киборг? Ещё один пришелец?

Алина оглянулась на невозмутимого спутника.

– Вам этого знать не...

– Говорите! – снова перебил девушку Гордеев. – Мы обязаны знать всё. Я видел, как этот парень дрался с Сурко: он не человек! Если хотите, чтобы мы верили вам и продолжили сотрудничество, говорите всю правду.

Найт кивнул.

Алина пожевала губами, оглядела ждущие лица присутствующих.

– Хорошо, поясню в пределах необходимого. Полное информирование не в моей компетенции. На базе вы получите дополнительные сведения по данному вопросу... если командование сочтёт нужным дать их вам. Эбрэхем Найт и в самом деле не человек. И не киборг. Он сотрудник Галактической Контрольной Комиссии, которая пытается добиться равновесия на Земле между всеми внешними... э-э... силами.

– То есть как это? – поднял брови Соломин. – Вы же утверждали, что ваша цель – не допустить никакого внешнего контроля! Ваша организация потому и называется «Триэн»: «Никого Над Нами»!

– Они не вмешиваются в наши дела...

– Всё равно они нам – чужие!

– Вы не понимаете...

– Успокойся, Витя, – сказал Гордеев. – Разберёмся без эмоций. – Повернул голову к Алине: – Он прав, эти парни не должны контролировать земной социум, потому что в ином случае они всё равно будут над вами. И над нами тоже. Вы же по замыслу службы не хотите этого. Или я чего-то не понимаю?

Лицо Алины окаменело.

– К сожалению, я действительно не уполномочена отвечать на подобные вопросы.

– Вы же координатор... этого... трикстера, – с подозрением сказал Ковеня. – Неужели вы тоже зависите от кого-то?

– В нашей организации создана жёсткая властная вертикаль...

– Ну, хорошо, мы поняли, вы тоже «шестёрка», – хмыкнул Соломин, кивнул на неподвижного Найта. – Кто он всё-таки? Я имею в виду, к какому типу существ принадлежит?

Алина посмотрела на спутника.

Лицо Найта на мгновение изменилось, став наполовину человеческим, наполовину «лемурьим». И снова перед замершими людьми стоял человек.

– Дьявол! – выдохнул Соломин.

– Он представитель цивилизации Ишов, – сказала Алина. – Родич нашим приматам в какой-то мере. Хотя его род намного древнее. Но к делу. Нужно выполнить ещё одно задание. Один из «ящеров», претендующих на роль главного координатора их сил, живёт в Китае. Он договорился с главным координатором «змея», обжившимся в Вашингтоне, о переделе сфер влияния. У нас есть уникальная возможность одним ударом покончить с ними обоими. Времени на подготовку достаточно – пять дней. Информация здесь.

Найт подал ей плоский «ключик» флешки. Алина протянула флешку Гордееву.

Тот покачал головой:

– Как легко у вас всё получается. Нам надо подумать. То, что мы узнали, слишком неожиданно.

– Вы не можете обсуждать приказы.

– Ещё как можем!

Найт внезапно выхватил пистолет-разрядник, направил на Гордеева.

В то же мгновение команда полковника вытащила своё оружие, очень быстро, слаженно, без единого лишнего движения, и на Эбрэхема Найта уставились три ствола «Бизонов». Четвёртый – Вики – глянул в лицо Алины.

Повисла пауза.

Алина оценивающе посмотрела на спутника, в её глазах промелькнуло сомнение.

– Опустите оружие.

– Не слишком ли часто вы сами его достаёте? – прищурился Гордеев.

– Хорошо, мы согласны. Подумайте, поговорите, прикиньте варианты возможных ситуаций. – Алина явно намекала, что группа находится на борту подводной лодки. – И свои возможности. Через час поговорим.

Она пошла к двери.

Найт плавным движением спрятал пистолет, вышел вслед за ней, не оглядываясь.

В кают-компанию стало тихо.

– Влипли, – сказал Ковеня невесело. – Чужало моё сердце. Отсюда нам не выйти. Что будем делать, командир?

– Не из таких положений выбирались, – показал зубы Соломин.

– То на земле, а то – под водой. Пустят газ в каюту – и кранты.

– Никого... никого... – тихо проговорила Вика. – Никого... над нами...

Все посмотрели на неё.

Гордеев понял, улыбнулся.

– Предлагаю согласиться и поиграть с ними в эти игры.

– Ты что, командир... – начал Соломин озадаченно.

Гордеев прижал палец к губам, быстро написал на листочке бумаги: «Соглашайтесь! Мы – люди! Организуем свою «Триэн», настоящую, и станем истинно теми, кто против любых «пастухов»!

Бойцы отряда прочитали текст, переглянулись.

Сэргэх взял листок, поджёг от зажигалки, растёр пепел по столу.

– Я – за!

– Один за всех, – хмыкнул Соломин.

– Все за одного! – засмеялся Корень.

Вика протянула руку, и на её узкую ладошку легли четыре крепкие мужские руки.

Книга первая

Сюрприз для пастуха

Глава 1

Гости непрошеные

1. Попытка к бегству

Он знал, что преследователи где-то рядом, чувствовал всем телом их приближение и ничего не мог поделать. Их было много, и вооружены они были гораздо серьезнее, чем он. Его пистолет против их излучателей казался зубочисткой против кинжала, и шансов уйти у него не было.

Тем не менее Крот попытался сманеврировать, чтобы вырваться за периметр облавы, который в данном случае представлял собой условную границу Москвы с Московской областью, то есть Кольцевую автодорогу.

Он вышел из такси у поста ДПС, отвлек внимание инспектора, собиравшегося сесть в бело-синий полицейский «Форд» с мигалками на крыше, заставил его – пристально глядя в глаза – отправиться в туалет, сел в машину и беспрепятственно выехал на Волоколамское шоссе.

Однако доехать до МКАД он не успел.

На светофоре за Сходненским мостом его с воем, по встречной полосе, обогнал джип «Инфинити RX-66» небывало яркого красного цвета и резко подал вправо, подрезая машину ДПС.

Крот знал, что преследователи не остановятся ни перед чем, так как имевшаяся у него информация была сродни атомной бомбе. Поэтому они не могли допустить утечки и блокировали беглеца с одной-единственной целью – ликвидировать! А ответить им он мог только выстрелом из пистолета, в данных обстоятельствах не игравшего никакой роли.

«Форд» вильнул вправо, врезался в серебристую «Мазду», мчавшуюся по соседней полосе. Его отбросило назад, влево, и он вломился прямо в передний бампер алого джипа, так что выскочившие из него чёрные фигуры посыпались в разные стороны, как кегли.

Раздались вопли автомобильных сирен, скрежет тормозов, удары, крики.

В остановившиеся машины въехал мусоровоз. Остальные участники дорожного движения начали тормозить, пытаясь объехать растущий затор.

Крот рванул «Форд» назад, врезаясь в развернувшийся боком мусоровоз, со скрежетом раздвинул «Инфинити» и чёрный «бумер», газанул, уворачиваясь от ещё одного «Инфинити», золотистого цвета, с тонированными стёклами, попытавшегося сбить его на ходу.

Однако остановившийся поток автомашин помешал ему, вынуждая джип сдать назад.

«Форд» ДПС вильнул в одну сторону, в другую, развернулся под светофором, где у тумбы стоял открыв рот растерявшийся регулировщик движения, не понимающий, что происходит, и помчался назад, к мосту.

Третью машину преследователей Крот заметил спустя несколько мгновений, когда по дверце слева вдруг словно сыпануло металлическим горохом: это открыли стрельбу из третьего джипа «Инфинити», теперь уже чёрного цвета, вырвавшегося из ряда машин слева, что выезжали из города, за МКАД.

Он резко крутанул руль вправо, в переулок за мостом, совершенно не представляя, куда выведет его эта дорога.

Асфальтовая лента вильнула правее, мелькнули глухие заборы, ворота, ветхое двухэтажное здание, башня слева, и покорёженный «Форд» выехал снова на Волоколамское шоссе, почти к тому месту, где минуту назад произошло столкновение.

Постовой к этому моменту успел разобраться с происшествием и перекрыл движение в обе стороны шоссе, что освободило дорогу между потоками.

Крот бросил машину в эту щель, заметил, что алый «Инфинити» выезжает справа ему наперерез, пересёк шоссе и нырнул в улочку, отходящую от шоссе вправо, не имевшую никаких указателей.

К сожалению, улица закончилась тупиком, вильнув перед железнодорожными путями. Ехать дальше было некуда.

Он понял, что надежд уйти от погони не осталось никаких. И даже если удастся перебежать пути, скрыться от преследователей будет очень сложно, если вообще возможно, так как расположение зданий и улиц этой части столицы он не знал. Бегство уже по сути являлось актом отчаяния, после того как выяснилось, что его вычислили.

Файл! – мелькнуло в голове. Немедленно сбросить! Чтобы никто и не догадался, какая информация может всплыть, радикально меняя узор социума. Какие головы полетят! Какие политики упадут в пропасть!

Но кому передать? Кто воспримет, а главное, воспользуется материалом? У кого достанет смелости вбросить информацию в Сеть, после того, как одного руководителя «Викиликс» убили, второго засудили, а остальных функционеров взяли под контроль спецслужбы? Кто из существующих вольнодумцев оценит полученный файл правильно?

«Форд» окончательно упёрся в забор. Справа открылся узкий проход между забором и грудой шпал.

Крот рванул машину туда, надеясь выиграть несколько драгоценных секунд.

Ноябрь в этом году выдался бесснежным, и колея выдать его не могла.

Машина заглохла.

Крот вытащил из сумки, с которой не расставался, новый айпод, включил, посматривая в зеркальце заднего вида, лихорадочно набрал программу электронной почты. Программа должна была найти несколько работающих имён, так как сам Крот их просто не помнил.

Где-то взвыли двигатели приближающихся джипов.

Экран айпода выдал три номера.

Крот перегнал файл с диска в ноут, снабжённый вайфаем, и отправил сразу по трём адресам, представившись психологом, доктором наук, специалистом в области контактов с инопланетным разумом. Что было не так уж и далеко от истины.

Когда джипы «Инфинити» – алый, золотой и чёрный – выскочили к железнодорожной ветке, работа была закончена.

Крот оглянулся, глядя на бросившиеся к «Форду» гурьбой чёрные фигуры в масках, насмешливо улыбнулся (приятных снов, господ киллеры) и ткнул пальцем в клавишу `backspace`. Прижал к груди ноут.

Подбежавший первым гигант в камуфляже, с глазами-щёлочками, рванул дверцу машины.

Раздался взрыв!

2. Ватшин

Утро выдалось ясным, солнечным и очень морозным, отчего машина завелась с трудом; Ватшин надеялся, что со следующего гонорара обязательно сменит свой старенький кроссовер «Ниссан Санни» на новую машину.

Тем не менее настроение, несмотря на мороз, у него было хорошее, он собирался подписать у издателя договор на дополнительный тираж романа, и в издательство Ватшин ехал с удовольствием.

Встретили его, как и всегда, с видимым почтением. Всё-таки в свои двадцать восемь он уже стал одним из лидеров «новой волны», приносящих неплохой доход издательству, и книги Ватшина, в том числе электронного и аудиоформата, расходились быстро.

Заведующий редакцией фантастики Николай Быстрович принял Ватшина как дорогого гостя, с распростёртыми объятиями.

– Кофе, Константин Венедиктович?

– Неплохо бы, – солидно кивнул Ватшин, начиная привыкать к тому, что его стали величать по отчеству.

– Наташа, сварь кофейку гостю, пожалуйста, – попросил Быстрович одну из редактрис. – Со сливками, без, Константин Венедиктович?

– Со сливками.

– Две порции со сливками.

Симпатичная Наташа принесла чашечку кофе, сахар, печенье и орехи: она хорошо знала вкусы писателя, навещавшего редакцию достаточно часто.

– Первый тираж практически ушёл, – подвинул чашку к себе Быстрович, бывший спортсмен-волейболист, выглядевший в свои пятьдесят едва ли не моложе Ватшина. – Это здорово! Готов пролонгировать договор на тех же условиях.

– Рад, – сказал Ватшин, беря в руки чашку, над которой всплыл ароматный парок. – Не думал, что читатели ринутся в магазины. Думал, что все подсели на айподы и ридеры.

– Больно уж тема одиозная, – усмехнулся Быстрович. – О пришельцах сегодня не говорит только ленивый, но вам удалось найти очень неожиданный поворот. Откуда взялась идея, Константин Венедиктович? Поделитесь, если не секрет.

Ватшин вспомнил, как почти год назад неожиданно получил по электронной почте странное послание.

Неизвестный корреспондент, представившийся учёным-психолингвистом Кротовым, предложил ему свою теорию, подкреплённую якобы удивительными фактами, и попросил при-
дать этот материал огласке. А поскольку текст послания и в самом деле оказался любопытным, Ватшин и использовал его по своему усмотрению, написав фантастический роман «Никому не верьте» о присутствии на Земле уже многие тысячи лет пришельцев, маскирующихся под людей. Рука у него была лёгкая, перо, как говорится, разбежалось, и роман, изданный одним из самых крупных издательств России «Недетская литература», разлетелся в течение недели. После чего Ватшина и пригласили в издательство для подписания допсоглашения.

Учёного Кротова он потом так и не нашёл в списках докторов наук Википедии, побродив по Интернету. Википедия знала многих учёных с фамилией Кротов, но ни один из них не занимался проблемой контактов с иными цивилизациями и не изучал следы пришельцев на Земле.

Впрочем, по мнению самого Ватшина, ему скинул материал кто-то из читателей, кому нравились его произведения, а представиться он постеснялся. Робкий был читатель.

– Идеи летают в воздухе, – пожал Ватшин плечами. – Надо только войти в резонанс с той, которая тебя затронула. Мне это удалось.

– Хорошая идея, – понимающе кивнул редактор. – Давно я не читал фантастику о пришельцах с удовольствием. Будете развивать тему?

– Да, есть такая возможность, – сказал Ватшин.

– А вы сами верите в то, что пишете? – спросил вдруг Быстрович с любопытством.

– Как вам сказать...

– Неужели они и в самом деле живут среди нас?

– Не только живут, но и управляют нами, – заявил Ватшин уверенно, на самом деле этой самой уверенности не испытывая.

– Честное слово, я отношусь к таким идеям скептически. Хотя многим тема нравится, иначе действительно читатели не покупали бы книги. А фильм не хотите снять? Я слышал, вы пишете сценарий.

– Написал, – признался Ватшин. – Попробую заинтересовать кинематографистов.

– Киномафию сложно заинтересовать, – засмеялся Быстрович, поднимая чашку. – Успеха вам.

– Спасибо.

– Что ж, давайте подписывать договор.

Ватшин допил кофе и придвинул к себе листок бумаги с условиями пролонгации.

3. Нейтрализовать немедленно!

Вызов к Главному в принципе ничего особенного собой не представлял, и всё же Носин почувствовал странное неприятие распоряжения, переданного ему не напрямую, а через секретаря. С одной стороны, это могло означать рост доверия к Носину как к аналитику СМИ и литературного цеха со стороны аппарата Главного, с другой, несло оттенок «вызова на ковёр», как говорили в России. Носин знал множество русских идиом и поговорок, хотя работал на Земле в качестве модератора-аналитика всего полгода, и настоящее его имя было трудно произнести на любом земном языке.

На всякий случай он позвонил своему непосредственному руководителю Кореневу:

– Михал Михалыч, меня вызвали к патрону.

– Меня тоже, – сухо ответил начальник контрольного департамента Управления Внедрения, занимавший официально должность заместителя директора Московской газовой биржи. – Не опаздывайте.

– Слушаюсь. – Носин ощутил холодок между спинными буграми.

Судя по тону Коренева, вызов к Главному ничего хорошего не сулил.

Путь из офиса в Малом Козихинском переулке до здания биржи на Берсеневской набережной, в которой располагался аппарат Главного, занял больше часа: в Москву, несмотря на принимаемые меры, снова вернулись пробки.

В приёмной Главного, занимавшего официальный пост заместителя мэра Москвы по ВИП-строительству, Носин оказался вместе с Корневым.

– Здравсьте, – сказал он совсем по-земному, хотя человеком не был, скрывая истинный свой облик под маской, генерируемой аппаратом динамической голографии.

Впрочем, сущность, маскирующаяся под обликом Коренева, тоже не родилась человеком и вынуждена была пользоваться таким же маскером. Настоящий Михаил Михайлович Коренев, доросший до поста заместителя директора Московской газовой биржи, отказался работать с потомками «ящеров», которые уже много тысяч лет пытались подчинить себе земной социум, и его пришлось заменить «проекцией», не отличающейся от живого человека.

У «ящеров», обосновавшихся в России, имелись и конкуренты – герпы, змеелюди, также прибиравшие к рукам государственные и коммерческие структуры. До войн не доходило, однако противостояние было напряжённым, и сторонники тех или других часто гибли в дорож-

ных авариях или от несчастных случаев. Недаром в земном фольклоре существовало столько легенд и мифов о драконах, змеелюдах и «лохнесских чудовищах», которые уходили корнями в седую древность, когда на Земле начали высаживаться первые полугуманоиды – ящеролюди, змеелюди, птицесапиенсы и прочие нелюди, воевавшие между собой за право контролировать человечество.

– Добрый день, – угрюмо отозвался Коренев, не протягивая руки (вернее, лапы, потому что конечности ящеролюдей отличались от человеческих), глянул на секретаршу Главного. – Арнольд Метаксович у себя?

– Ждёт, – надела на лицо вежливую полуулыбку секретарша Моника, на самом деле представлявшая собой телохранителя Главного и так же, как и он, вынужденная носить маску.

В приёмной дожидались вызова начальника несколько посетителей, абсолютно не догадывающихся об истинном положении вещей, поэтому нелюди естественно, должны были вести себя, как люди.

Коренев движением бровей остановил своего помощника-телохранителя Дылду, с которым не расставался ни днём ни ночью, вошёл в кабинет.

Носин последовал за ним.

Им навстречу шагнул заместитель Главного, лысоватый, бледнолицый, с головой огурцом. Он тоже был «своим», но не подал виду, прошагал мимо, кивнув как старым знакомым.

Главный восседал за огромным рабочим столом, на котором можно было, наверное, играть в теннис, и смотрел на прозрачно-светящийся объём монитора. Он был громаден, как борец сумо, и выглядел как борец сумо, особенно – с зализанными назад и связанными в пучок на затылке длинными волосами. Лицо его, мощное, бугристое, смуглое, с выпуклыми надбровьями и неожиданно круглым «детским» подбородком, выражало брюзгливо-неприветливое ожидание.

– Садитесь, – повернулся он к гостям.

Они сели по обе стороны маленького столика, приткнувшегося к большому.

– Докладывайте.

– Что? – не понял Носин.

Главный кинул вспыхнувший угрозой взгляд на Коренева.

– Разобрались?

– Произошла утечка информации, – ровным голосом заговорил Коренев. – Крот успел таки сбросить разведанные, о чём мы узнали... – он покосился на Носина, – недавно.

– Крот же убит! – заикнулся Носин.

Коренев посмотрел на него, как лягушка на порхавшую над болотом стрекозу.

– Это был твой подопечный, Иван Кирович. К сожалению, ему удалось сбросить файлы по нескольким адресам, а узнали мы об этом только сегодня.

Коренев достал из дипломата книгу в яркой обложке, кинул на стол перед Носиным.

– Что это? – Носин взял книгу, прочитал имя автора – Ватшин и название: «Никому не верьте».

– То, что не должно было появиться на свет ни под каким соусом! – тяжело проговорил Главный.

Носин взял книгу, открыл, пренебрежительно хмыкнул.

– Но это же фантастический роман.

– Только данное обстоятельство и сохраняет вам жизнь, Иван Кирович, – сказал Коренев. – Судя по всему, Крот сдал имевшиеся у него сведения не партнёрам российского отделения «Викиликс», а писателю Ватшину, который использовал материал для создания романа.

Носин позеленел.

– Не может быть!

– Прекратите блять козлом! – ощерился Главный. – Доказательства у вас в руках, а вы даже не удосужились проанализировать материал, не говоря о последствиях вброса.

– Мы не занимаемся фантастикой...

– А должны! – Громадная мясистая ладонь Главного с треском влипла в столешницу, так что Носин подскочил на стуле. – В романе засвечены практически все наши дела, связи, планы и чуть ли не список партнёров по всей России. Представляете, если анализом книги займутся спецы ФСБ?

– Там наши люди...

– Идиот! – Коренев достал излучатель, похожий на четырёхствольный травматический пистолет «Оса».

Главный отрицательно повёл рукой.

– Не надо, Михал Михалыч, рано. Пусть поработает над ошибками, дадим ему шанс.

– Э-э-э... – выдавил Носин хрипло, покрываясь липкой плёнкой пота.

Коренев спрятал излучатель.

– Читайте, Иван Кирович, делайте выводы. Тираж книги – сто тысяч экземпляров. Автор подписал с издательством допсоглашение ещё на двадцать пять тысяч. Договор нейтрализовать! Тираж изъять из магазинов! Автора... тоже нейтрализовать, чтобы не вздумал продолжать тему, материал Крота уничтожить!

– Я в-сё с-делаю, – прыгающими губами пообещал Носин. – З-завтра... с-сегодня же.

– Идите! Данные на Ватшина получите почтой.

Носин встал и вышел на подгибающихся ногах, вдруг осознав, что был на волосок от гибели. И всё из-за какого-то писателишки, посмеявшегося выпустить джинна из бутылки. Ну, погоди, фантаст долбаный, ты у меня попляшешь!

В кабинете двое нелюдей посмотрели друг на друга, скинув маски, став на несколько секунд теми, кем и были – ящеролюдми.

– Если не справится – уберите, – сказал Главный на галактическом эсперанто.

– Без проблем.

– Как вы думаете, Зишта Драгон, – назвал Главный родовое имя Коренева, точнее, сущности, которая давно играла роль Коренева, – наши злейшие друзья герпы знают о послании Крота? Или это именно они приложили к делу свою лапу?

– Выясним, Шамшур Ашшурбазипал. К сожалению, вылезла ещё одна проблема. Похоже, индивид, игравший в карты в нашей компании... вернее, в компании моего носителя...

– Настоящего Коренева?

– Так точно. В общем, математик Уваров, скорее всего, – Коренев выдержал паузу, – хроник.

Главный изменился в лице, снова превращаясь в потомка ящера.

– Вы уверены?!

– Мы собираемся встречаться в пятницу. Попробую проверить. Но сначала разберусь с писателем.

– Хорошо. – Главный потёр глыбистый череп. – Лишь бы вашего хроника не перехватили герпы или того хуже – новые русские пограничники.

– Они называют себя анксами – антиксенотами.

– Только без шума.

– Сделаю всё возможное.

Коренев поднялся и «застегнул» лицо на «официальные пуговицы», становясь человеком.

4. Судьба изменчива

Утром, за кофе, которое Ватшин сварил сам, они с женой обсудили планы ближайшие, до Нового года, и перспективные – на лето следующего года.

Новый год решили встретить на даче под Апрелевкой, с друзьями, если они согласятся, или втроём, с мамой Константина, если никто к ним больше не присоединится.

– Куплю машину, – заявил Ватшин. – Эта кряхтит, как старая бабка, десять лет уже отъездила.

– Давно пора, – согласилась Люся, из шатенки недавно перекрасившаяся в платиновую блондинку. Она работала в префектуре Южного округа, окончив Институт народного хозяйства, и перспективы подняться выше по служебной лестнице были у неё хорошие.

– Подобрал уже?

– Хочу кроссовер «Импрезу».

– Дорогой? Не забывай, мы хотели поменять квартиру.

– Поменяем, но чуть позже. Мой сценарий сейчас читают в кинокомпании «Три Д», и как только возьмут, наши мечты приобретут базу.

– Ты у меня гений! – Люся чмокнула мужа в щёку и убежала в спальню переодеваться. На работу она предпочитала не опаздывать, поэтому выходила из дома рано, в начале восьмого.

Ватшин допил кофе, помыл посуду и сел в своём крошечном кабинетике за рабочий стол. До одиннадцати он священнодействовал – «творил вселенные», как говорила жена друзьям. После одиннадцати снова пил кофе и ехал по делам, если таковые появлялись вне литературного процесса, либо снова садился за компьютер и писал дальше.

Но в этот зимний день конца ноября судьба повернулась к нему другим боком, отчего мечты купить машину и поехать летом на море растаяли как дым.

В десять часов внезапно позвонил редактор:

– Константин Венедиктович, тут такое дело... – В голосе Быстровича вдруг прорезались виноватые нотки.

– Готов обсудить, – бодро отозвался Ватшин, не выказывая удивления: во-первых, Быстрович звонил ему редко, чаще они контактировали по скайпу, во-вторых, никогда раньше не выражал своих чувств.

– Мы решили пока не допечатывать ваш роман.

Кровь бросилась Ватшину в лицо.

– Н-ну, это конечно, – промямлил он, не находя слов. – Я понимаю, раз так... а что случилось?

– Вчера мы долго совещались с генеральным. Книги объективно продаются всё хуже и хуже, ваш успех локален, тенденции снижения углубляются, и рисковать директор не хочет. Год закончится, посмотрим на продажи, на развитие рынка, и тогда вернёмся к этому вопросу.

– Но мы же... это... подписали...

– Я готов выплатить компенсацию, – поспешно сказал Быстрович.

– Разумеется, спасибо, конечно, понимаю... Но, может, в электронном формате?

– Решено пока вообще закрыть тему. Мы ещё не продали тираж «СиДи», и как только продадим, заключим новый договор.

– Ладно, я понял, – пробормотал расстроившийся до глубины души Константин, подумал: вот тебе и машина, и квартира, и отдых в Египте.

– Кстати, один мой хороший знакомый, – добавил редактор, – хотел бы с вами поговорить о вашем романе. Он его очень заинтересовал.

– Хорошо, пусть позвонит. Или дайте ему мой e-мэйл.

– Он позвонит и подъедет. Зовут его Иван Петрович, я его знаю давно, очень хороший человек.

Ватшин выключил телефон. В голове плыл туман разочарования, хотелось материться и грозить кулаком небесам. Но он только сжал зубы и с усилием вернулся к работе. Долго переживать по поводу неудач было не в его характере.

Знакомый Быстровича позвонил через десять минут, словно ждал момента, когда Ватшин успокоится:

– Мне сказали, что с вами можно связаться. Я Гордеев Иван Петрович.

– А-а, да, конечно, – вздохнул Константин. – Вы действительно хотите поговорить со мной о романе?

– Да, очень.

– С какой целью? Вы издатель?

– Нет, я работаю в другой структуре. Может, слышали о ФСБ?

– Эф... эс... – До Ватшина дошло: – Вы работаете в Федеральной... э-э...

– Службе безопасности. Найдёте для меня несколько минут?

Сбитый с толку Ватшин почесал в затылке.

– Не понимаю, чем я могу быть вам полезен.

– Могу подъехать к вам домой, либо встретимся на нейтральной территории.

Ватшин подумал о соседях.

– Лучше на нейтральной.

– Кафе «Гостинец» у «Щукинской» вас устроит?

Кафе располагалось в десяти минутах ходьбы от дома – сам Ватшин жил на Живописной улице, – и он оценил корректность собеседника.

– Вполне, я подойду.

– Через час.

– Хорошо. Как я вас узнаю?

– Достаточно того, что я вас узнаю.

Разговор прервался.

Ватшин скушал мятную пастилку, походил кругами по квартире, размышляя о странном желании чекиста поговорить с ним о новом романе, потом начал собираться.

В кафе он появился за двадцать минут до назначенного срока. Заказал бокал яблочного сидра, закурил, огляделся.

Народу в зале было немного, будний день по сути только начался, и официанты по залу передвигались неторопливо. Заняты были только три столика. Да за четвёртый у окна как раз рассаживалась компания в количестве трёх посетителей: двое мужчин и женщина в деловом костюмчике.

Не найдя того, кто, по его мнению, подходил бы к облику сотрудника ФСБ, Ватшин углубился в изучение меню, но его отвлекли.

Мужчина в тёмно-синем свитере, один из двух в новой компании, моложавый, с твёрдым непроницаемым лицом и ёжиком густых волос, вдруг подошёл к нему, взялся за спинку стула.

– Разрешите?

Ватшин удивлённо поднял голову. По внутренним оценкам он ждал другого человека.

– Вы...

– Иван Петрович.

– Присаживайтесь.

Мужчина сел, оценивающе разглядывая Константина.

– Я слышал о вас много хорошего.

– Спасибо, хотя много – вряд ли, – слабо улыбнулся Ватшин. – Вы в самом деле работаете в Комитете?

Иван Петрович достал малиновую книжечку с золотым тиснением «Федеральная служба безопасности Российской Федерации», раскрыл.

– В самом деле.

– И чем же я заинтересовал вашу службу?

Иван Петрович пальцем подозвал официанта:

– Кофе, пожалуйста, с лимоном. – Повернулся к Ватшину. – Николай Леонидович похвалил вашу книгу. Скажите, откуда у вас столько необычных и точных сведений о существовании на Земле ксенотов? Кстати, почему вы называли пришельцев, живущих среди нас, ксенотами?

Ватшин чуть было не ляпнул: так их назвал учёный по фамилии Кротов, приславший ему свои размышления о пришельцах.

– Понравилось название... от латинского *xenos* – чужой.

– И как давно вы пишете такие вещи?

– Этот роман первый, – признался Ватшин. – Хотя материала очень много, хватит на целый цикл.

– Значит, у вас есть какой-то материал? Чей? Ваш? Или кто-то вам передал данные?

Ватшин понял, что проговорился. Он заглянул в глаза собеседника, умные и понимающие, а главное – располагающие к откровению.

– Если честно, я получил послание от одного учёного... почти год назад.

– Учёного?

– Он так представился: доктор наук, психолингвист Кротов, специалист по контактам с внеземными... э-э, цивилизациями.

Иван Петрович улыбнулся.

– Всеобъемлющая характеристика.

– Я подумал, что это расстарался кто-то из моих читателей. Я знаете ли, веду блог, куда приходят пользователи...

– Я в курсе. Хотелось бы взглянуть на послание вашего приятеля.

– Да, конечно, в любое время.

– А прямо сейчас и сходим, если не возражаете, только кофе допью.

– Пожалуйста.

Иван Петрович встал, подошёл к спутникам, с которыми появился в кафе, что-то им сказал и вернулся. Взялся за чашку кофе.

– Ещё два вопроса.

– Слушаю.

– Кроме Николая Леонидовича, вы ни с кем больше не беседовали о послании этого... м-м, читателя?

– С женой. – Ватшин подумал. – И всё, пожалуй.

– А в этом послании не прозвучало слово «хроник»?

Ватшин снова задумался.

– По-моему, что-то было... автор кого-то называл хрониками... да вы сами всё прочитаете.

Они оделись, вышли в морозный ноябрьский день, добрались до дома Константина.

Он включил компьютер... и кровь бросилась ему в лицо.

– Не понимаю...

– Что случилось? – склонился над столом гость.

– Записи нет!

– Проверьте.

– Сами посмотрите, файл лежал у меня в информационном блоке «Документы». Но его там нет!

– Поищите в других разделах диска.

Пальцы Ватшина лихорадочно забегали по клавиатуре.

– Нигде нет! Да я и не записывал его в других форматах.

Иван Петрович с любопытством заглянул в раствор объёмного монитора, перевёл взгляд на потное красное лицо писателя, сказал мягко:

– Да вы успокойтесь, Константин Венедиктович. Вспомните, к вам никто не заходил? Друзья, родственники, знакомые?

– Конечно, заходили, и не раз. Десять месяцев прошло с того дня. Я-то наизусть почти помню, не было надобности открывать файл часто. А вы что, подозреваете кого-нибудь в... краже?

– Никого не подозреваю. Есть факт, требующий осмысления. Неужели вы не сбросили послание на отдельный диск или на флешку?

– Ч-чёрт! – Ватшин хлопнул себя ладонью по лбу. – Конечно, я сделал копию.

Он начал копаться в этажерке дисков, залез в стол, сбегал в спальню, вернулся, бледный и растерянный.

– Не могу найти.

Иван Петрович покачал головой.

– Сядьте, успокойтесь. Давайте вспоминать, кто у вас был в последнее время в кабинете. Можно, я приглашу одного товарища с аппаратурой? Он поищет следы гостей... непрошенных.

– Приглашайте, – махнул рукой расстроенный Ватшин.

Иван Петрович вынул айком.

– Солома, кликни Дэна и подъезжай с ним к писателю Ватшину на Севастопольский, дом сорок три.

Ватшин начал искать диск снова, более тщательно, однако все его усилия оказались напрасными. Единственное, что он обнаружил, было отсутствие должного порядка в кабинете.

Книги стояли ровно, но не так, как прежде, диски и флешки лежали с виду в тех же позициях, но не в той последовательности, в какой он их хранил.

– Здесь кто-то копался...

– Я это уже понял, – сказал Иван Петрович. – Время у вас есть?

– Да я никуда не собирался.

– Тогда давайте поговорим о послании, пока придут мои парни. Вы даже не представляете, какой силы материал получили.

– Почему же, интересная гипотеза.

– Это не гипотеза, это реальность, уважаемый Константин Венедиктович. Я не знаю, почему носители чужой этики – те самые ксеноты, как мы их называем, – допустили просачивание суперважнейшей информации в эфир, пусть и в виде фантастического романа, однако это произошло и, боюсь, вы теперь представляете для них нешуточную опасность. А они люди серьёзные, точнее, нелюди, и не остановятся ни перед чем, чтобы остановить утечку. То, что директор издательства отказался печатать доптираж вашего романа, только первая ласточка.

– Но я же ничего плохого не сделал, – наивно воскликнул Ватшин.

– Какая разница? Для них это дела не меняет. Мы поможем вам, но и вам теперь придётся рассчитывать каждый свой шаг.

В дверь позвонили.

5. Его надо охранять

Заместитель директора ФСБ Феофан Свиридович Кузьмичёв имел интеллигентнейший вид и походил скорее на дирижёра симфонического оркестра, нежели на адепта секретной службы. Волосы он зачёсывал назад, носил очки и слушал собеседника с благожелательным выражением лица, как учитель ученика.

В кабинете кроме него находились ещё трое посетителей: двое мужчин в строгих костюмах и полная женщина в малиновой кофте и юбке почти такого же цвета.

Гордеев остановился на пороге.

– Проходите, садитесь, – сказал Кузьмичёв с мягкой непреклонностью.

Гордеев поздоровался со всеми одновременно, сел, положив перед собой на стол чёрную папочку.

– Докладывайте.

– Они опередили нас.

– Подробнее.

– К великому сожалению, наши аналитики пропустили роман Ватшина «Никому не верьте», где раскрываются многие тайны ксенотов. Я давно предлагал организовать специальный отдел по анализу произведений...

– Позже на эту тему.

– Сами ксеноты тоже прохлопали ушами, судя по внезапному появлению романа. Но мы отстали и от них. Нелюди начали замечать следы.

– Замели?

– Не успели. У Ватшина исчезли все записи и черновики романа, а также файл, присланный ему небезызвестным нам Кротом, сотрудником российского отдела «Викиликс». Кстати, своё послание он подписал фамилией Кротов.

Мужчина, сидевший напротив Гордеева, осанистый, круглоплечий, с породистым важным лицом, шевельнулся, но, заметив взгляд Ивана Петровича, застыл как монумент, пробормотав:

– Неумно.

– Видимо, он торопился, но успел перед гибелью сбросить файл Ватшину. Возможно, и не ему одному.

– Ищите, – проговорил Кузьмичёв.

– Ищем. Ватшин по памяти воссоздал текст послания, мы его проанализировали и пришли к выводу, что Крот, – Гордеев помолчал, – был хроником.

В кабинете стало совсем тихо.

Четыре пары глаз упёрлись в лицо начальника внутренней службы безопасности.

– Зачем же они его убили? – после паузы спросил Кузьмичёв.

– По всей видимости, он сам себя взорвал, когда понял, что не может уйти от погони. Но самое интересное, что у Крота был знакомый, и тоже хроник, судя по всему.

– Кто?

– Один математик, фамилия – Уваров. Мы его сейчас интенсивно ищем.

– Ищите быстрее, мы должны выйти на него раньше, чем они. Если только это не вброс дезы. И учтите ещё один нюанс: ваш писатель Ватшин в большой опасности, его надо охранять.

– Разумеется, мы это планируем. – Гордеев внезапно достал пистолет, направил ствол на того же мужчину напротив, который снова шевельнулся. – Что это вы заёрзали, Иакинф Еремеевич? Услышали что-то новое? Хотите доложить об этом боссу? Кстати, кто он у вас, под какой личиной прячется? Не депутат Госдумы, случаем? Министр? Или бизнесмен?

Мужчина с холеным гладким лицом побледнел, пальцы руки его, взявшейся за борт пиджака, скрючились:

– Что за шутки, Иван Петрович?

– Солома! Корень! – позвал Гордеев.

В кабинет вошли двое парней: улыбающийся круглолицый блондин с выгоревшими до цвета соломы волосами и сероглазый, крепкого телосложения шатен.

– Присмотрите за ним. – Гордеев качнул стволом пистолета, указывая на мужчину, которого он назвал Иакинфом Еремеевичем. – Знакомьтесь, милостивые судари и сударины: агент

департамента Управления Внедрения небезызвестной нам организации «Ксенфорс». Мы давно следили за ним, взяли его телохрана, допросили, узнали очень много интересного. Сами расскажете, Шииззинх? – Последнее слово Гордеев произнёс с шипением, будто по полу и в самом деле проползла огромная ящерица. – Так вас зовут соплеменники? Или пойдём по более сложному пути?

– Йа ф-фвасс... – выговорил Иакинф Еремеевич как бы по-русски и в то же время не по-человечески; в структуре ФСБ он занимал должность начальника департамента связи с общественностью.

– Понятно, значит, по-плохому. Уведите.

Блондин и его напарник рывком подняли чужого из кресла, споро вывели из кабинета.

– Доказательства есть? – вопросительно подняла брови женщина. – Я знаю Иакинфа давно, верила ему.

– Сколько угодно, – раскрыл папку Гордеев.

6. Застава

До конца декабря больше ничего особенного не произошло.

Новый знакомый Ватшина из ФСБ (Константин очень хотел похвастаться друзьям, что у него появился такой необычный приятель) дважды звонил Константину, а однажды даже заехал к нему домой, в отсутствие жены, задал много разных вопросов и уехал, попросив писателя докладывать о своих встречах и предупреждать о выездах, особенно – за пределы Москвы.

Жене Иван Петрович посоветовал пока не говорить о том, что произошло.

– Женщины реагируют на подобные реалии иногда парадоксально, – сказал он. – Даже вы не сразу поверили в истинность существования ксенотов, о которых написали целый роман. А уж доверь эту информацию женщине, и скоро все её подруги будут знать об этом.

Ватшин согласился с доводами чекиста. Люся не была болтушкой, но секреты в её красивой головке не задерживались долго. Это он уже выяснил.

Конечно, она расстроилась, узнав об отказе издательского начальства пролонгировать договор.

– С машиной теперь придётся повременить, – заявила она в тот же вечер, когда Ватшин узнал о существовании целой системы живущих на Земле инопланетян.

– И с машиной, и с квартирой, – со вздохом подтвердил он.

– А на море поедем?

– На море поедем. Я начинаю писать повесть, сдам в марте, и у нас будут необходимые финансы. И вообще, не в деньгах счастье.

– Но очень хотелось бы в этом убедиться лично, – грустно пошутила жена.

О том, что у мужа появились «секретные» знакомые, она так и не узнала.

Встречались Ватшин с Иваном Петровичем либо у него дома, когда Люся уходила на работу, либо в других местах.

Как-то он задал вопрос чекисту, вдруг сообразив, что ФСБ занимается проблемой пришельцев всерьёз:

– Как вы-то узнали о кознях ксенотов? Вам ведь никто сведений о них не передавал по электронке?

Иван Петрович рассмеялся.

– Факты присутствия на Земле инопланетян известны с седой древности. А заниматься ими всерьёз начали только в середине прошлого века. Сначала американцы, потом мы. Накопилось очень много свидетельств их существования, что не позволяет сбросить всё на фантазии контактёров и очевидцев.

– Я читал, в России есть Общество по контактам.

– Эта структура создана самими ксенотами для отвода глаз и выпуска пара, чтобы люди перестали верить в идею контакта окончательно. Мы занимаемся ими на другом уровне.

– Говорят, в секретных лабораториях КГБ... ФСБ лежат останки пилотов НЛО.

– Пусть говорят, – усмехнулся Иван Петрович.

– А на самом деле?

– Пилотов не видел, остатки НЛО видел.

– А где их нашли?

– Если вас это действительно интересует, как-нибудь поговорим об этом.

Однако больше они эту тему не поднимали, хотя любопытство Ватшина удовлетворено не было и он жаждал узнать о «земных» инопланетянах больше. Хотелось также выяснить, кто заинтересован в молчании Константина как писателя, не считая главного редактора издательства, которому, очевидно, пригрозили неведомые ксеноты, но Иван Петрович не стал распространяться и на эту тему.

– Узнаете в своё время, – сказал он. – Прошу только вовремя докладывать мне о подозрительных встречах, звонках и даже взглядах.

Встреч за месяц с небольшим так и не случилось, а взгляды Ватшин замечал, хотя докладывать об этом стеснялся.

Тридцатого декабря они с женой набили багажник машины продуктами, всунули на заднее сиденье купленную ёлочку и поехали на дачу, договорившись с друзьями, однокашниками Константина, что те с жёнами подъедут тридцать первого.

К сожалению, погода, с точки зрения водителей, выдалась в этот день отвратительная: тучи заволокли небо, пошёл снег, и ветер создал из него метель. Видимость снизилась до десятка метров, что не позволяло участникам движения ехать быстро.

Выбрались за МКАД.

– Может, вернёмся? – робко предложила Люся.

– Нам ехать-то всего тридцать километров, – возразил упрямый Ватшин. – Доберёмся как-нибудь за час.

Однако не добрались.

Через полчаса, за поворотом на Анкудиново, свернули с Киевского шоссе направо и тут же остановились, потому что идущая следом машина – чёрный джип «Магнум» – вдруг обогнала «Ниссан» Ватшиных и круто вильнула вправо, преграждая ему путь.

– Ах ты лох зелёный! – нажал на педаль тормоза Константин.

Вскрикнула Люся.

Автомобиль занесло на заснеженном асфальте, и он опрокинулся на бок в кювет.

К счастью, удар пришёлся на снежный вал, и «Ниссан» почти не пострадал. Только вдавилась дверца со стороны пассажирского сиденья да стекло дверцы покрылось трещинами.

Пока он ворочался в петле ремня безопасности, освобождаясь, чьи-то руки рванули дверцу с его стороны, ухватили за плечи, за шею.

– Вылазь, писатель! Быстро!

Ватшин ухитрился вывернуться из захвата, ударил кулаком по тянувшейся к нему пятерне.

Кто-то выругался:

– Сопrotивляется, с-с-с..!

В Константина вцепились ещё две руки, выдернули из джипа.

Закричала Люся.

Он начал отбиваться злее, не обращая внимания на затрещины со всех сторон. Получил тычок в ухо, схватил кого-то за ногу, рванул на себя. Но его оторвали от земли, ударили чем-то металлическим по голове, и сознание начало гаснуть.

Однако внезапно вокруг началась какая-то лишняя суета, грубые руки выпустили Ватшина, и он упал лицом в снег. С трудом перевернулся на спину, приподнялся.

Вокруг бегали люди, пыхтели, дрались, падали, вскрикивали. Раздались не очень громкие звуки – словно били палкой по ватной подушке. Тёмные фигуры метнулись к лесу, к чёрному джипу, сыпануло целой очередью «ударов по подушке», и фигуры скрылись в пелене метели.

К Ватшину подбежали двое парней в камуфляже.

– Жив?!

– Там Люся, – простонал он, держась за голову.

– Башкин! В машину!

– Всё в порядке, командир, она в кабине, сейчас вытащим.

Ватшин уронил руки, борясь с головокружением, заставил себя подняться, шагнул к парням, помогавшим жене вылезти из кабины.

– Люся...

– Костя! – Она бросилась к нему на шею. – Живой! Слава богу! – И заплакала.

Рядом с оказавшимися на шоссе двумя серебристыми джипами остановилась ещё одна машина – белый микроавтобус. Хлопнула дверца, выпуская мужчину в белом полупальто, без шапки.

– Иван Петрович, – пробормотал Ватшин.

– Садитесь.

– Машина...

– Её подремонтируют и доставят к вам домой.

– Мы ехали на дачу.

– Значит, на дачу.

Ватшин помог Люсе сесть в салон микроавтобуса. Следом сел Иван Петрович.

– Поехали, Солома.

Водитель – улыбающийся круглолицый блондин – тронул микроавтобус с места.

– Кто вы? – перестала плакать Люся.

Иван Петрович усмехнулся.

– Не ангелы, но хранители.

– Они анксы, – невнятно сказал Ватшин, чувствуя, как губы превращаются в олады.

– Кто?

Ватшин искоса глянул на спасителя.

– Есть такое подразделение в службе безопасности, – сказал Иван Петрович. – Муж вам не рассказывал?

– Нет.

– «Застава» называется, – снова сказал Ватшин.

– Что за служба? ФСБ?

Ватшин хотел сказать, что «Застава» – внутренняя пограничная служба России и является самостоятельной структурой, но встретил взгляд Гордеева и прикусил язык. Иван Петрович предупреждал, чтобы он никому ничего не говорил, даже самым близким друзьям и жене.

– Давайте знакомиться, раз уж так получилось, – сказал Гордеев. – Меня зовут Иван Петрович. Если бы ваш муж предупредил нас о поездке, всё бы обошлось.

Люся перевела взгляд на мужа.

– Ты давно знаешь этих людей?

– Не очень, – мотнул он головой.

– Кто они?

– Тебе же сказали – не ангелы.

– Я не шучу!

– Сейчас приедем и поговорим, – пообещал Иван Петрович.

Ватшин обнял жену, прижал к груди, преодолевая её сопротивление. Подумал, что объяснить ей ситуацию будет трудно. Но главное было в другом: скорее всего, писательская его деятельность закончилась. А представить, как жить дальше, не могла даже его недюжинная фантазия. Пропасть распаивалась впереди! Кто поможет перепрыгнуть? Да и хватит ли у него сил в корне изменить жизнь?

Плеча коснулась рука Ивана Петровича.

Руководитель «Заставы» ничего не сказал.

Но Ватшин почувствовал себя уверенней.

Глава 2

Помню

1. Было

– Представьте себе отрицательное давление. Сможете? К положительному мы привыкли с детства, наблюдая, как колёса телеги оставляют в почве характерные борозды. Или гусеницы танка следы на асфальте улицы. Или, что более позитивно, как пресс плющит раскалённую болванку металла в цеху машиностроительного завода. Но что такое отрицательное давление?..

Мысль мелькнула и погасла.

Кругом было одно глобальное пламя, имеющее странное свойство разбегаться во все стороны с колоссальной скоростью. И при этом процесс нельзя было назвать взрывом, потому что пламя не являлось продуктом деятельности человека и не представляло собой конечную фазу управляемой реакции. Оно появилось и начало расширяться с огромным ускорением, порождая само себя и создавая удивительно гладкий, ровный и однородный фон – пространство.

Впрочем, неоднородности в этом странном континууме, заполненном квантовыми полями, всё-таки появлялись и уже не сглаживались стремительным инфляционным расширением. Сложные физические процессы приводили к тому, что неоднородности, представляющие собой солитоны – сгустки первичных элементарных частиц, – вызвали небольшой избыток обычного барионного вещества над антивеществом. Началась аннигиляция рождающихся комков материи, а когда она закончилась, в невероятно раздувшейся Вселенной появились первые островки вещества, которые впоследствии превратились в звёзды, галактики и их скопления, объединившиеся в крупномасштабные сетчато-мозаичные структуры.

Но это стало реальностью позже.

А пока он – невидимый и неосязаемый свидетель рождения Вселенной – наблюдал за её расширением изнутри процесса и видел-осознал-ощущал огонь во всех его проявлениях, понимая, что попал в информационный «нерв», недоступный большинству людей.

Между тем температура огня вокруг постепенно падала, он становился менее жгучим и плотным, меняя свою физическую суть, и, наконец, падение температуры позволило появиться первым атомам. Точнее, ядрам атома водорода, состоящим из протона и нейтрона. И случилось чудо: Вселенная стала прозрачной, то есть видимой в широком диапазоне электромагнитных волн, и – практически невидимой, потому что заполнявший её огонь погас! Излучение отделилось от вещества – первых незначительных скоплений атомов. А поскольку до термоядерных реакций было ещё далеко, рождённый мир погрузился в Великую Тьму...

– Красиво говоришь, Сан Саныч! – восхищённо сказал Хаевич, разливая пиво в стеклянные кружки тонкой работы. – Тебе бы писателем быть, стал бы известен.

Уваров улыбнулся. Хаевич уже не раз говорил ему о писательской известности, однако Александр Александрович, в миру Сан Саныч, никогда не проявлял особого литературного дарования и работал математиком в МИФИ, окончив этот же институт двадцать семь лет назад. В настоящее время близился его пятидесятилетний юбилей, и он казался себе маститым учёным, умудрённым опытом человеком средних лет. Но не старым. В молодости он серьёзно занимался лёгкой атлетикой, стал мастером велосипедного спорта и выглядел вполне прилично: метр восемьдесят, плотный, плечистый, спокойный, уверенный. Волосы начали редеть ото лба ещё в тридцать пять, поэтому в сорок он стал стричься наголо, оставляя короткий ёжик, и в сорок девять лобастая голова Уварова отливала серебром седины, что было даже модно.

Олег Хаевич был моложе на пятнадцать лет. Небольшого роста, с животиком, подвижный, говорливый, любитель ночных клубных забав, он нравился женщинам и о семейной жизни пока не помышлял. Его трудно было представить в роли чиновника, да он им и не был, возглавив после тридцати лет частную фельдъегерскую службу. Любил выпить, поговорить (он был в курсе всех новостей), хорошие автомашины (ездил то на «Мерседесе CLS», то на «Порше Кайенн»), знал все клубы в Москве и часто пропадал за рубежом. Но ровно через две недели возникал на горизонте, и компания собиралась вечером пятницы распечатать пульку: Уваров, Хаевич, Коренев и Новихин.

Кореневу стукнуло шестьдесят два, он работал заместителем директора Московской газовой биржи и был душой общества. На этого человека, любившего анекдоты, всегда можно было положиться. Он готов был помочь друзьям в любое время, не раздумывая. Кроме того, он был охотником, часто уезжал с компанией приятелей в глубинку России, под Нижний Новгород, и привозил интересные истории, а иногда и дичь.

Четвёртый преферансист, Игорь Новихин, был самым молодым и энергичным членом команды. Он работал главой службы безопасности Московской газовой биржи, под началом Коренева, занимался бадминтоном (становился даже чемпионом области), не считая рукопашного боя в силу профессиональной надобности, и слыл знатоком вин и алкогольных напитков вообще. Хотя при этом почти не пил.

Все эти люди были очень непохожими друг на друга, и свела их воедино только одна страсть – к преферансу. Но если для Новихина эта игра подогревала его спортивный интерес, Хаевич ловил удачу, Коренев искал охотничий азарт, то для Уварова преферанс являлся одним из вариантов теории игр, которой он посвящал всё своё свободное время.

– Я космосом не интересовался, – продолжил Хаевич, потягивая пиво и присматриваясь к вяленой рыбке, которую принесла Оксана, повар Новихина; играли обычно в его коттедже на улице Сучкова. – Не могу утверждать, что я совсем уж закорякелый скептик, но не верю, что космос нам необходим. Пусть его покоряют автоматы и роботы, человеку там делать нечего. Кстати, ты рассказывал об эпохе Великой Тьмы. Тёмная материя, о которой все сейчас говорят, не из этой епархии?

– Это разные категории, – качнул головой Уваров. – Хотя тёмная материя зарождалась примерно в те же времена, миллиарды лет назад.

Хаевич аккуратно разделал рыбку, с любопытством посмотрел на него.

– Ты что же, и в самом деле видишь эти сны – про космос, рождение Вселенной?

– Это не сны. Как бы тебе объяснить... во мне просыпается память происшедших событий, понимаешь? Я вижу то, что было в прошлом, миллионы и миллиарды лет назад.

– Вот этот огонь видишь, о котором говорил?

– И огонь тоже. Первые звёзды, первые галактики, планеты.

– Откуда же ты знаешь, что там происходило?

– Знаю, и всё. Информация сама появляется.

– Давно?

– Если честно, то не очень, год назад всё началось, после ДТП.

– Это когда ты свою «Хонду» разбил?

– Ага.

– Ну, тогда по глоточку.

Они сдвинули кружки с пивом, занялись вяленой кефалью.

Обычно первым к назначенному времени (восемь часов вечера) прибывал Уваров, не любивший опаздывать. Хаевич подъезжал чуть позже, с водителем Сашей, который знал все секреты своего работодателя. За руль после «принятия на грудь» дозы спиртного Хаевич не садился, что было правильно.

Третьим появлялся Коренев с сумкой пивных бутылок. В компании существовал свой распорядок: Уваров покупал торт и конфеты к чаю, Хаевич – сухое красное вино, Коренев – пиво и водку. Новихин принимал гостей, иногда угощая их классным вином из собственного погреба.

– Привет Эйнштейну, – объявил Михал Михалыч, обнимая Уварова, пожал руку Хаевичу. – Жарко сегодня. – Он снял пиджак, подсел к столу. – Ну, что, по пивку?

Налили, выпили.

Коренев блаженно откинулся на спинку стула.

– Хорошо поторговали сегодня, растёт наш газ в цене как на дрожжах. Командир обещал быть через полчаса, если не застрянет в пробке. Стоит Москва, я еле проехал по закоулкам.

Командиром он называл Новихина, хотя по служебному положению стоял выше.

Заговорили о пробках, о неумении служб решить транспортную проблему.

– Вот ты математик, – посмотрел на Уварова Коренев, подцепляя вилкой малосольный огурчик, – взял бы и рассчитал какой-нибудь алгоритм, который избавил бы город от пробок.

– Этой проблемой уже занимались математики, – сказал всезнающий Хаевич. – Но ни в одной столице мира она не решена полностью. Города не резиновые, и когда количество машин превышает пространственно-динамический предел, они встают.

Коренев возразил, что в Варшаве, где он был, пробок нет.

– Нашёл столицу, – отмахнулся Хаевич. – У них всё ещё впереди.

Коренев снова возразил, что существуют приёмы ограничения въезда в города и другие ухищрения, позволяющие избегать пробок.

Они заспорили.

Уваров слушал, потягивал ледяной сидр и думал о другом. О поездке на родину в Брянскую губернию. О конвенте математиков, где ему должны были вручить престижную премию «Золотой интеграл». О варианте игры нового типа, который он почти рассчитал и к концу года собирался представить на суд математиков института. Работа была интересной, и он надеялся удивить коллег подходом к проблеме, который они называли бы когнитивно-метафизическим, а он сам – чувственно-магическим. Хотя речь шла скорее о переходе между реальностью и миром чувственных идей, в который ему позволено было время от времени погружаться.

– О чём задумался, Сан Саныч? – хлопнул его по плечу Хаевич.

Уваров виновато прищурился.

– Да так, ни о чём.

– Расскажи о своих видениях, вот биржа интересуется.

– Я ему уже рассказывал.

– Да? А он не признался. Ещё раз советую написать об этом книгу. У меня друг – издатель, поможет издать. Вдруг откроешь в себе талант писателя? Роулинг же, создатель Гарри Поттера, тоже в своё время была никому не известна.

– Заладил одно и то же, – проворчал Коренев. – Сан Санычу слава не нужна.

– А что ему нужно?

– Слава бывает разная. Вон один математик отказался от Нобелевки и стал известен всему миру.

– Он просто больной, думал только о себе, а не о своих родственниках. Ему невероятно повезло, а он это везение в задницу засунул!

– Не груби. Везение тоже разное бывает.

Хаевич хихикнул.

– Эт точно. Иногда не получить желаемое и есть везение. Ну, что, мужчины, ещё по кружечке?

– Привет, алкоголики, – вошёл в гостиную улыбающийся Новихин, бросил к шкафу в прихожей слева спортивную сумку. – Как вам наши футболисты?

– Я просто обалдел! – оживился Коренев. – Четыре – один, уму непостижимо! Неужели научились играть?

– Тренер хороший, вот и научил, – авторитетно сказал Хаевич.

– У них стимул появился, – сказал Олег, скрываясь на втором этаже.

– Какой стимул? – не понял Хаевич.

– Раньше играли как игралось, – поддержал тему Коренев. – Всё равно платили. А теперь не даёшь отдачи – садись.

– Значит, тренер-таки в этом деле главный? Кто ещё заставит их играть?

– Почему обязательно тренер? Игорь прав, стимул появился – играть хорошо, иначе сядешь на скамейку запасных, а то и совсем вылетишь из команды. К тому же известно, что лучший тренер – отечественный, доморощенный, знающий российский менталитет, а не пришлый, с трудом произносящий два слова по-русски.

К столу спустился Новихин, переодевшийся в домашний спортивный костюм.

Заговорили о футболе, потом о теннисе, знатоком которого считался Хаевич, о бадминтоне. Открыли вино.

Уваров сидел молча, слушал, от вина отказался. До сорока пяти он вообще не употреблял спиртных напитков, да и сейчас позволял себе разве что бокал шампанского на праздники да сидр. От пива не отказывался, но и не приветствовал, доверял организму, который чётко знал свою норму.

В начале десятого пересели за игровой столик.

Сдавать выпало Новихину.

Коренев взял карты, принялся изучать расклад. Делал он это медленно и обстоятельно, в силу характера, поэтому поначалу компаньонов это сердило, но после пятнадцати лет знакомства все привыкли к манере игры «главного биржевика» компании и не обращали на его медлительность внимания.

– Раз, – объявил наконец Михал Михалыч.

– Пас, – отозвался Уваров.

– Бери, – согласился Хаевич.

Игра началась.

Расходились за полночь, в половине первого.

Хаевич и Новихин собрались навестить клуб «Сохо».

Уваров повёз Коренева на своей машине: тот жил в Крылатском, после чего ему предстояло возвращаться назад, к Серебряному бору.

– Ты что, и вправду видишь прошлое? – поинтересовался слегка ословевший Михал Михалыч, когда они попрощались с молодёжью и отъехали. У него был свой «БМВ», плюс охрана, однако он редко ими пользовался.

Уваров невольно вспомнил один из своих «эзотерических снов»...

Великая Тьма длилась по вселенским меркам недолго, всего около миллиона лет.

Массы сгущений относительно холодного вещества – ядер водорода и гелия, а потом и нейтральных атомов после эпохи рекомбинации, достигали таких величин, что начались первичные реакции ядерного синтеза, водород «загорелся», и по всему гигантскому объёму сформированного пространства зажглись первые звёзды.

Поначалу они были небольшими, карликовыми, но по мере дальнейшего уплотнения облаков газа и пыли рождались всё более массивные звёзды. Некоторые из них сливались вместе, образуя квазары и первичные чёрные дыры, и по молодой Вселенной, продолжавшей расширяться в ином темпе, не столь быстро, как в первые мгновения, поплыли хоромы фонтанирующих струями огня юных звёзд, окружённых вихреподобными дисками пыли и газа.

А уже через сто миллионов лет, когда звёзды начали объединяться в протогалактики, в их атмосферах – не на планетах и не в космическом пространстве – зародилась первая форма жизни. А за ней – разум...

– Может, тебе и в самом деле стоит написать роман? – послышался голос Коренева.

Уваров очнулся, повернул направо, на улицу Крылатские Холмы.

– Мне Олег об этом все уши прожужжал, и ты туда же. Не писатель я. У меня другие интересы.

– Теория игр? – хохотнул Михал Михалыч. – Судя по тому, что проигрываешь ты редко, теория у тебя правильная.

– К преферансу она не имеет отношения.

– Да? А я думал, ты карточными играми занимаешься.

Уваров хотел было оправдаться, объяснить Кореневу на пальцах, чем он занимается на самом деле, но передумал. В состоянии эйфории – Коренев выпил, да ещё и выиграл при этом, – он вряд ли понял бы собеседника.

Между тем именно увлечение Уварова психроникой, как он назвал свою игровую матрицу, и позволило ему приобрести дар воспоминаний прошлого, а вовсе не авария, в какую он попал однажды на Амурской улице: тогда в бок ему влетел лихач на старой «Ладе». Началось всё с расчётов компьютерной ролевой игры, отличающейся от других тем, что играющий не просто выбирал фантом из заданного набора игровых персонажей, а переносил на него качества своей личности и характер своих взаимоотношений с реальностью. После этого Уварову удалось просчитать психосемантическую матрицу играющего, содержащую информацию о способах взаимодействия структур сознания, и, что важнее, бессознательного в личности играющего с тканью бытия, выбрать желаемый интервал глубины игры, по сути – горизонт событий (он выбрал древнее прошлое), и достичь необходимой степени его детализации.

На следующий день, точнее, ночь ему начали сниться странные сны. Ещё через месяц он научился погружаться в прошлое на любой отрезок времени и буквально видеть всё, что там происходило.

– Спасибо, – сунул ему ладонь Коренев, когда машина свернула к его дому. – Заходи как-нибудь в контору, побеседуем о жизни. Расскажешь о своих видениях.

– Лучше вы к нам, – улыбнулся Уваров.

Коренев с трудом выбрался из машины, поплёлся к подъезду.

Уваров посмотрел на подъехавшую за ним машину – чёрный джип «Рэндж Ровер», не придавал этому значения, проводил приятеля глазами, подумав, что, несмотря на свою сугубо коммерческую должность, Михал Михалыч сумел остаться человеком совести, за что его уважали коллеги и любили близкие.

Джип всю дорогу ехал за ним, но он этого не заметил.

Домой приехал в половине второго.

Жена уже спала, внучка тоже.

Уваров, стараясь не шуметь, залез в ванную, встал под душ. Лёг чистый, умиротворённый, довольный жизнью, автоматически перебрал в уме то, что должен был сделать в субботу, и легко уснул.

Сон-видение пришёл сам собой, без особых усилий с его стороны. Организм уже научился владеть особым состоянием, которое в разные времена у разных народов называлось по-разному: инсайтом, сатори, просветлением и озарением. Сам Уваров называл это состояние мысленно-волевым странствием.

Сознание вылетело за пределы тела, перед глазами развернулась величественная панорама космоса. Россыпи звёзд окружили его со всех сторон. Он мог свободно «дотронуться» до любой из них, но душа просила иного, и Уваров глянул на Мироздание через «телескоп» вневещственного восприятия, ища в нём следы разумной деятельности.

И нашёл!

Среди сияющих звёздных сфер проявились тонкие паутинки геометрически правильного узора, не похожего на обычные скопления и галактики. Одна из паутинок была совсем близко, память автоматически назвала направление – Волосы Вероники.

Отлично! Посмотрим, что там такое...

Мысленное «тело» Уварова превратилось в неосязаемый луч и стремительно рванулось в пространство.

2. Извне-1

К чёрному джипу «Рэндж Ровер», стоящему на Серебряной набережной с погашенными фарами напротив многоступенчатого нового дома, подкатил второй точно такой же, погасил фары. Из него вылез мужчина в чёрной куртке, открыл дверцу первого джипа, сел на заднее сиденье.

В кабине машины находились трое мужчин в похожих куртках, один сзади, двое спереди, считая и водителя. Пассажир на переднем сиденье смотрел на экранчик навигационного компьютера, второй, сзади, с наушниками на бритой голове, внимательно разглядывал экран какого-то прибора с длинным дулом, направленным на окна дома.

– Ничего? – спросил гость.

– Лёг спать, – буркнул мужчина с наушниками.

– С кем-нибудь разговаривал?

– Как обычно.

– Может быть, он просто псих? – проговорил пассажир на первом сиденье.

– Вряд ли, о нём отзываются в исключительно положительном смысле. Нормальный мужик, жена, дети, внучка.

– Только речи ведёт странные.

– Парни, наше дело маленькое: приказано следить – будем следить. Давайте меняться.

– Ещё полчаса.

– Ладно, следующий раз вы нас смените на полчаса раньше. – Гость поднёс ко рту мобильник: – Паша, вылезай.

Из второго джипа выбрались ещё двое мужчин, в том числе водитель. Пассажиры первого уступили им места, сели во второй джип и уехали.

Мужчина, сидевший на заднем сиденье «Рэндж Ровера», пересел на переднее, снова достал мобильник:

– Первый, семнадцатый на связи. Приступили к дежурству. Всё тихо, клиент под контролем.

– Зря проторчим всю ночь, – проворчал его напарник, занявший заднее сиденье. – За три месяца он ни разу ночью ни с кем не общался. Только с партнёрами по преферансу.

– Заткнись, – коротко ответил мужчина с мобильником.

В мобильнике ожил голос:

– Режим «три уха».

Это означало, что прослушивать надо было все телефоны клиента, в том числе и мобильный.

– Принято, – ответил мужчина в джипе.

Тот, кто говорил ему о режиме «три уха», повернул голову к собеседнику. Кабинет, где они сидели напротив светящегося объёмного экрана компьютера, напоминал лабораторию, заставленную сложным оборудованием.

– Пока что у нас почти ноль информации. Ничего конкретного. Может, возьмём его и заставим говорить?

– Мы должны быть уверены, что это именно он, хроник, – заговорил собеседник, крупнотелый, крупноголовый, седой, с узкими губами и холодными бесцветными глазами. – Поспешим – канал закроется.

Первый, худой, костистый, с залысинами, кивнул.

– Придётся ждать. Хотя на него могут выйти и конкуренты. Леонтьева предложила неплохой план – завербовать кого-нибудь из его друзей, из тех, с кем он играет в преф.

Седой помолчал.

– Идея неплохая, доложу наверх. Разрешат – разработаешь план. – Он поднялся, похлопал худого по плечу, вышел.

Оставшийся в кабинете надел наушники.

3. Полёты

С тех пор как Уваров разработал программу автоматической коррекции действий игрового фантома, по сути – самого себя-игрока, мысленные полёты в прошлое давно перестали быть игрой. Его психосемантическая матрица легко преодолевала барьеры физических законов, подстраивалась под изменяющиеся параметры реальности и погружалась в бездну прошлых времён, как ныряльщик в воду. Насытившись астрономическими данными, он безошибочно определял координаты галактик и их скоплений, свободно ориентировался в созвездиях и мог мысленно-волевым усилием «посетить» окрестности любых звёзд Млечного Пути и за его пределами.

Мало того, Уваров научился находить звёзды и галактики, где когда-то цвела разумная жизнь, и опускаться к её истокам, когда эта жизнь только зарождалась.

Увлечение «виртуальными контактами» достигло такой стадии, что он и на работе грезил иногда с открытыми глазами, часами просиживая в одном положении. И хотя это не сказывалось на работе, так как он исправно решал предлагаемые задачи, коллеги потихоньку стали его сторониться. Что заставило Уварова быть сдержаннее. Он не хотел, чтобы его считали шизиком.

В пятницу, тридцатого мая, команда преферансистов снова собралась в коттедже Новихина в восемь вечера. Первым приехал Уваров, вторым Хаевич, третьим Коренев. Опоздывал, как обычно, Новихин, хотя это обстоятельство никого не доставало. Игорь после работы тренировался в спортзале «Динамо», поэтому и появлялся дома не раньше девяти часов вечера.

– Ну, что ты интересенького за это время увидел? – спросил Хаевич, разливая пиво по кружкам.

– Как строились первые искусственные сооружения, – сказал Уваров спокойно.

– Шутить? – недоверчиво посмотрел на него Олег.

Коренев засмеялся.

– Я гляжу, математики не отличаются от охотников. А по фантазии и вовсе могут дать им фору.

– Может, это не фантазии, – не поддержал его Хаевич. – Может, у Сан Саныча действительно прямая связь с космосом. Может, он новый русский видящий.

Уваров невольно улыбнулся в ответ.

– Новый русский видящий – это круто.

– Нет, ну ты же в самом деле видишь то, о чём говоришь?

– Допустим.

– Что значит – допустим?

– А если я фантазирую, готовлюсь стать писателем по твоей рекомендации?

Хаевич хмыкнул, разглядывая лицо Уварова поверх кружки, погрозил ему пальцем:

– Не калапуцкай мне мозги, Сан Саныч. Лучше поделись открытием. Какие такие искусственные сооружения ты видел? Где? Я читал одну бредовую учёную статью, где утверждалось, что мы единственные разумные твари во Вселенной.

– Жизнь возникла миллиарды лет назад, разум тоже.

– Зелёные человечки? – Корнев подмигнул Хаевичу.

– Никаких зелёных человечков нет, – возразил Уваров серьёзно. – Гипотез о формах жизни действительно много, но я берусь утверждать, что первые разумные существа, появившиеся ещё до формирования галактик, были негуманоидными.

– Какими?

– Не похожими на человек, – пояснил Хаевич. – Как же эти негуманоиды могли появиться, если тогда и планет-то не было?

– Были звёзды. Первыми разумными стали плазмоиды в их атмосферах.

– Ну, это ты загнул, Сан Саныч. Разумные должны думать. А чем могли думать твои плазмоиды?

– Первичная основа мышления заключается в структуре жизненной формы, а не в материале, его образующем.

– Повтори то же самое, только помедленнее и попроще.

– Мужчины, давайте по бокальчику, – разлил по кружкам пиво Корнев. – Жарко, не до философии.

– Нет, пусть он расскажет, что видел.

– Систему джетов, – буркнул Уваров, теряя запал. Хаевич упорно пытался его разговаривать, и это почему-то Александру Александровичу не нравилось.

– А это что ещё за фигня?

– Джеты – длинные лучевидные выбросы пыли и газа из звёзд. Нынешние, наблюдаемые астрономами, достигают миллиардов километров, а давние ещё длиннее.

– Каким образом из них можно делать сооружения?

– Первые разумные плазмоиды строили из них целые фотонные системы, которые потом соединялись в компьютерные иерархии.

– Какие иерархии?!

– Да отстань ты от человека, – осуждающе сказал Корнев. – Он фантазирует, а ты веришь. Как там у классика? Особенно долго мы помним то, чего не было.

Уваров хотел возразить, что он вовсе не фантазирует, но встретил взгляд Михал Михалыча (тот подмигнул ему) и кивнул.

– Ну, есть немного.

Хаевич разочарованно цыкнул зубом.

– Я думал, ты серьёзный человек, Сан Саныч. Хотел поговорить о жизни как о категории развития материи.

– Жизнь всего лишь заразная болезнь планеты, – хохотнул Корнев, снова подмигнув Уварову, – от которой можно легко избавиться с помощью разума.

Уваров улыбнулся. В настоящее время, убедившись в стремительном отдалении вектора технического прогресса от вектора духовного развития человечества, он думал примерно так же.

Хаевич успокоился, хотя и продолжал время от времени задавать каверзные или ехидные вопросы.

Уваров больше отшучивался или отмалчивался, размышляя о странном поведении Корнева.

Пришёл Новихин, расслабленный после тренировки, но весёлый и жизнерадостный.

Поужинали, сели играть.

Первым сдал Уваров.

– Мизер! – заявил Хаевич, хмельной от выпитого и потому нерасчётливо смелый.

– Пас, пас, – отозвались Новихин и Коренев.

В прикупе оказались две дамы.

– Блин! – с изумлением сказал Хаевич, глядя на карты. – Мне же нужна была девятка пик...

– Что, чистый? – осклабился Новихин. – Не надо записывать?

По лицу Олега пробежала сложная гамма чувств. Было видно, что он понадеялся на фарт, но ошибся.

– Записывайте.

Как оказалось, дамы пришли к другим мастям, которые Хаевич понадеялся сбросить, после чего пробои только увеличились. После сброса и его выхода в семёрку трэф стало ясно, что он ещё и неправильно пошёл. Поэтому ловля завершилась тем, что у Олега отобрали нужные масти, и он получил пять взяток.

Впрочем, его это не сильно обескуражило и не остановило. Хаевич отличался бесшабашностью и верил в удачу, переоценивая свои силы. Лишь к концу игры он слегка выправил своё положение – пошла карта, как говорят, – и смог чуть-чуть отыграться.

В начале первого ему позвонили из какого-то клуба, и он с Новихиным засобирались на очередную тусовку, забыв о проигрыше. Будучи клубным завсегдатаем, Олег не упускал возможности расслабиться, «оттянуться» по полной программе, послушать приятную музыку и потанцевать.

Прощаясь, он пожал руку Уварову, шепнул на ухо:

– У меня завтра дело в вашем районе, заеду, поговорим.

– Заезжай, – пожал плечами Александр Александрович. – Я буду после одиннадцати.

Новихин и Хаевич уехали на «Порше» Олега.

Подъехал «БМВ» Коренева.

– Сегодня меня везут за город, – сказал он, довольный результатом игры. – Так что ты приедешь домой вовремя.

– Вовремя, – хмыкнул Уваров, глянув на часы: шёл второй час ночи. – Хорошо, что Олег сегодня был в ударе, спонсировал всю игру.

– Да, рисковал он по-крупному, – засмеялся Коренев. – Даже к тебе не приставал с расспросами, в каком космосе ты летал.

Уваров махнул рукой.

– Космос один. Но его доменная структура сложная.

– Тебе не кажется, что у Олега какой-то воспалённый интерес к твоим снам?

– Это его проблемы.

– Я верю, что ты видишь необычные сны.

– Вижу. Только это не сны, Михал Михалыч.

– Ладно, расскажешь потом. Держи лапу и не гони на своей ракете, щас менты везде с радарамы стоят.

Уваров хлопнул по подставленной ладони, тронул машину с места.

Фонарь справа, за перекрёстком, погас и вспыхнул снова, напомнив ему последнее странствие: впервые в жизни Уварову удалось наблюдать схлопывание остатка старой красной звезды-гиганта в чёрную дыру. Но гораздо более интересным был процесс строительства колоссальных гигантских звёздных систем наподобие снежинок, чем занимались первые цивилизации Вселенной с помощью чёрных дыр. Как они это делали, было непонятно, потому что Уваров не знал механизма, способного управлять передвижением первичных звёзд. Но результат был виден издалека: по космосу то здесь, то там поплыли удивительные лучистые «конструкции» из звёзд, имеющие чёткую геометрическую форму. Это случилось уже в первый миллиард лет после Большого Взрыва, породившего Мироздание.

Гораздо позже, когда звёзды объединились в галактики, а галактики выстроились в скопления, образовавшие сетчато-волоконистую структуру, начали появляться уже другие формы жизни, в том числе – биологического вида, на основе углеродной или кремниевой органики...

Уваров повернул на Алабяна, снизил скорость, поднимаясь на мост через железнодорожные пути, увидел внизу, на съезде, черный «Фольксваген Туарег» и двух гаишников рядом. Порадовался, что снизил скорость. Однако это не помогло. Один из инспекторов сделал Уварову жест дубинкой – к обочине. Уваров послушно остановился, уверенный, что правил не нарушал.

– Документы, – подошёл инспектор, не козыряя; погоны у него были капитанские.

Второй инспектор, тоже с капитанскими погонами, очень толстый, с широким неприятным лицом, обошёл «Хонду» с другой стороны.

Уварову это не понравилось. Он впервые видел, чтобы в патруле участвовали сразу два капитана полиции.

– Представьтесь, пожалуйста, – кротко попросил он.

Капитаны переглянулись.

– Документы, – снова потребовал первый капитан, пожиже телосложением.

– Представьтесь, – упрямо мотнул головой Уваров, уже понимая, что его остановил вовсе не рядовой патруль ДПС.

Капитан взялся за кобуру.

И в этот момент на мосту появились две машины, ехавшие со стороны улицы Народного Ополчения, «БМВ» и джип «Инфинити», притёрлись к тротуару, остановились.

Из первой тяжело вылез Коренев, из второй двое парней в тёмно-серых костюмах. Коренев подошёл к машине Уварова, глядя на замерших капитанов.

– Что тут у вас происходит?

– Михал Михалыч! – приятно удивился Уваров. – Я просто ехал, они остановили...

– А вы кто такой? – осведомился толстый представитель власти.

Парни Коренева подошли ближе, явно готовые вмешаться в происходящее.

– Я заместитель директора Московской биржи, – сказал Коренев. – Этот человек мой друг. Насколько я знаю, он никогда не нарушает правила дорожного движения. – Михал Михалыч посмотрел на Уварова. – Сан Саныч, ты нарушал?

– Да ни боже мой, – честно сказал Уваров.

Капитаны снова переглянулись.

– Мы хотели проверить документы, – начал первый.

– А у вас есть основания? Или мне позвонить куда следует, выяснить, к какому ведомству вы относитесь?

Толстый капитан молча двинулся к «Туарегу», скрылся в кабине.

Его напарник помедлил, оценивающе глядя на охранников Коренева, повернулся и сел в джип.

«Туарег» сорвался с места, повернул на улицу Маршала Рыбалко, скрылся из глаз.

– Похоже, они ждали именно тебя, Сан Саныч, – хмыкнул Коренев, провожая джип глазами.

– Кто?

– И я хотел бы знать, кто.

Уваров почувствовал холодок под ложечкой.

– Я же ничего не сделал.

– Поменьше болтай, как ты там путешествуешь по космосу, – посоветовал Михал Михалыч. – Зайди завтра ко мне в контору, поговорим.

– Я уже Олегу обещал.

– Зайди сначала ко мне. – Коренев поманил одного из парней пальцем. – Серёжа, проводи математика. – Он сунул руку Уварову в боковое окошко. – Спокойной ночи, Сан Саныч. «БМВ» Коренева развернулся в сторону Мневников, уехал. «Инфинити» остался. – Мы поедем за вами, – сказал парень, которого Михал Михалыч назвал Серёжей. Сбитый с толку Уваров завёл двигатель и повёл свою синюю «Хонду» домой.

4. Извне-2

Коренев посмотрел в зеркальце заднего вида, потрогал родинку в уголке губ – это был микрофон рации.

– «Фольксваген Туарег», номер У 111 АА 199.

– Поняли, перехватили, – ответили ему.

Он достал мобильник, набрал номер:

– Завтра он будет у меня.

– Вы уверены, что мы на правильном пути? – спросил его мужской голос.

– Не похоже, что он фантазирует. Да и конкуренты не стали бы заявлять о себе, не имея резона.

– Слишком уж грубо они работают.

– Может быть, торопятся, понимая, что и мы ищем хроника. Кстати, любопытно, что сам он назвал свою игровую матрицу психроникой.

– Действительно, интересно. Он не догадывается, что вы его ведёте?

– Возможно, задумается после сегодняшнего приключения, индивид он умный. Но завтра придёт ко мне, уверен.

– Не выпускайте его из виду.

Коренев спрятал мобильник в карман, кивнул.

«БМВ» поехал быстрее.

5. Расширение

Планета была больше Земли и располагалась к своему не слишком яркому светилу ближе, отчего с поверхности оно выглядело исполинским розовым пузырьём, окутанным лиловыми космами протуберанцев.

Картина завораживала, но не природные ландшафты сейчас интересовали Уварова. Он «стоял» на вершине горы и смотрел на долину в горах с высоты трёх километров, жадно разглядывая причудливую вязь золотых куполов, соединённых сверкающими жилами чешуйчатых труб. Это были сооружения местной цивилизации, созданной разумными птицами (по крайней мере у них имелись крылья), и геометрически совершенный пейзаж был не менее красив, чем природный.

Звезда не вращалась вокруг ядра Млечного Пути, принадлежа рассеянному скоплению в двух миллиардах световых лет от Солнца. Но её цивилизация была почти сверстником человеческой, опережая в развитии буквально на пару сотен лет. Уваров специально искал такую, современную и не угасающую, близкую человечеству хотя бы по времени, однако нашёл её слишком далеко от родной Галактики. Преодолеть бездну пространства размером в два миллиарда световых лет человек не мог. Надо было искать «родственников» поближе к Солнцу.

Уваров «выплыл» из странствия в собственную кровать, полежал немного, отдыхая, потом вдруг решил пошарить не в прошлом, а в будущем, готовый с лёгкостью отказаться от затеи, если поиск не удастся.

Мысль-воля оторвалась от тела, вылетела за пределы квартиры, дома, города, преодолела атмосферу, поднялась над Землёй и неощутимым сгустком понеслась к звёздам соседнего

галактического витка – Рукава Персея. Пронизала его, затем проскочила Наружный Рукав, вышла за пределы Млечного Пути.

Несколько минут Уваров любовался волшебной панорамой Галактики, состоящей из нескольких спиральных рукавов, потом сосредоточился на прыжке в будущее.

Его снова объяла Великая Тьма.

Куда бы он ни повернулся, куда бы ни кинул взор, нигде не было видно бывшего звёздного великолепия. Его окружали пустота и темнота, мрак и молчаливое пространство, заполненное редкими скоплениями холодной пыли и тёмными шарами остывших планет и звёзд. Лишь где-то очень далеко, не определить – на каком расстоянии, мелькнул алый огонёк: это догорал один из последних красных карликов, переживший остальные звёзды.

К этому времени видимое глазом излучение рассеялось в пустоте, не в силах оживить небо, согреть планеты или придать погасшим галактикам хотя бы слабое сияние. Звёзды перестали светить, их эпоха закончилась. Началась эпоха распада материи, сохранившейся в редких коричневых карликах, нейтронных звёздах и чёрных дырах.

Возраст Вселенной к этому моменту достиг ста триллионов лет...

Уваров «нырнул» обратно в тело, ощущая головокружение, хватая воздух ртом как рыба, выброшенная на берег.

Он был ошеломлён. Причём не тем, что увидел приближающийся конец Вселенной, её медленное угасание, а тем, что ему вообще удалось заглянуть в будущее. Раньше о таких перспективах он даже не мечтал.

Уваров выбрался из спальни, стараясь не разбудить жену, напился на кухне холодного клюквенного морса, лёг снова и сосредоточился на странствии, имея цель поискать в будущем цивилизации, которые ещё только должны были сформироваться.

Очень захотелось узнать, сколько времени проживёт человечество и кто придёт ему на смену.

6. Посетитель

О своём обещании зайти к Михал Михалычу в его офис Уваров забыл. Но Корнев сам напомнил ему о себе, неожиданно заявившись в институт.

Отдельного кабинета у Александра Александровича не было, поэтому решили посидеть в малом конференц-зале на первом этаже.

– Извини, что отвлекаю, – сказал Корнев, оглядев пустой зал. – Нет времени ждать. Похоже, у тебя есть информация, которая нам нужна.

– Бирже? – удивился Уваров.

– Почему бирже? – не понял Корнев. Был он нынче какой-то рассеянный, не похожий на себя.

– Ты же зампрезидента биржи.

Михал Михалыч отмахнулся.

– Нет, речь не обо мне. Садись, поговорим.

7. Извне-3

– Внимание всем группам! Готовность «ноль»!

Три десятка человек, получившие этот сигнал, замерли, готовые действовать в соответствии с задачами, стоящими перед ними.

8. Неожданное

Они сели на стулья перед подиумом с небольшой трибуной.

– Я представляю одну организацию, «Ксенфорс» называется, которую интересуют твои... – продолжил Коренев и не закончил.

В зал торопливо вошёл... Хаевич! За ним проследовал какой-то крупногабаритный мужчина с большой головой и бесцветными глазами, в тёмно-коричневом костюме и свитере с воротником, закрывающим шею до подбородка.

Заметив Коренева, Олег остановился, впившись глазами в его лицо. Михал Михалыч встал. Некоторое время они смотрели друг на друга оценивающе и ожидающе.

Уваров перевёл взгляд с одного на другого, внезапно прозревая, что его коллег по преферансу в данный момент интересуют совсем другие материи.

– Мы начали первыми, – сказал Хаевич мрачно, совсем не так, как разговаривал всегда. Коренев пожал плечами.

– А мы шли за вами.

– А если мы ошибаемся и он не хроник? – прищурился Хаевич.

– Проверим.

– Проверять будем мы.

Коренев поднёс к губам запястье руки с часами.

– Контакт!

В зале как чёртики из коробки появились трое парней в чёрных костюмах, с пистолетами в руках.

Одного из них Уваров узнал: этот парень по имени Серёжа приезжал с Корневым, когда математика остановили полицейские.

Хаевич засмеялся.

– Лихо работаешь, Михал Михалыч! Но ведь, как говорится, и мы не лыком шиты?

Он больше ничего не добавил, но в зале за спинами парней Коренева возникли такие же крутоплечие и мощные молодые люди, вооружённые пистолетами.

Спутники Коренева сунули руки под полы пиджаков.

– Предлагаю разойтись мирно, – сказал Хаевич. – Мы за ним следим уже три месяца.

– Мы тоже.

– И всё-таки приоритет за нами.

– Не уверен.

– В таком случае давайте решим всё как в добрые старые времена: подбросим монету, кому выпадет реверс, тот и забирает его.

– Да кто вы такие, в конце концов?! – обрёл дар речи Уваров. – Я уже догадался, что вы из разных контор, хотя никогда не думал, что играю с сотрудниками спецслужб. ФСБ, разведка, что там ещё у нас есть?

– Долго объяснять, – сказал Коренев.

– Ничего, я не спешу.

Коренев посмотрел на Хаевича.

– Патовая ситуация, коллега. Начнёте стрелять – она выйдет из-под контроля. Может быть, вызовем координаторов?

– Моих людей больше, – не согласился Хаевич. – Мы контролируем обстановку.

– Не уверен.

– Могу доказать.

– Попробуй.

Парни Хаевича наставили на парней Коренева оружие.

И в этот момент с грохотом распахнулись двери запасного выхода. В зал стремительно ворвались люди в пятнистых комбинезонах.

Парней Хаевича сбили с ног ворвавшиеся в зал через главный вход спецназовцы другой группы. В мгновение ока все присутствующие в конференц-зале были окружены и оказались в прицелах пистолетов-пулемётов.

Хаевич и Коренев, шокированные случившимся не менее Уварова, оглядели цепь спецназовцев, посмотрели друг на друга.

– Это твои? – одновременно спросили они.

– Нет. – В зал вошёл мужчина средних лет, одетый в светло-серый гражданский костюм. Уверенный в себе, сероглазый, с твёрдым волевым лицом. – Это мои люди.

С лицом Хаевича что-то произошло: на мгновение оно стало странным, почти нечеловеческим.

– «Триэн»! «Застава»!

– Совершенно верно, господа ксеноты. – Мужчина поманил кого-то пальцем. – Солома, всех задержанных – на базу.

– Слушаюсь, – козырнул спецназовец.

– Уж-ж-рш! – проскрежетал Хаевич.

Коренев сунул руку в карман.

Два ствола пистолетов-пулемётов «Бизон» повернулись к нему.

– Не стоит, Михал Михалыч, или как вас там, – покачал головой мужчина в костюме. – Жизнь дороже. Или в вас заложена программа самоликвидации?

Коренев подумал, вынул руку из кармана.

Мужчина кивнул.

– Правильно, не стоит погибать ради бессмысленной попытки доказать твёрдость духа. Каковой у вас, скорее всего, нет. Кстати, где настоящий Коренев?

– Жив, – коротко бросил Михал Михалыч.

– А Олег Хаевич? – Мужчина бросил взгляд на Хаевича.

Тот скривил губы.

– Он слишком агрессивно себя вёл.

– Понятно.

– Э-э-э, – выдавил Уваров.

Все посмотрели на него.

– Вы сказали... они – ксеноты... что это значит?

Мужчина усмехнулся, глянул на приятелей Уварова.

– Покажите ему свою суть.

Хаевич ухмыльнулся в ответ, явно наслаждаясь растерянностью Александра Александровича, и вдруг лицо его стало изменяться, сузилось, превратилось в странную маску желтоватого цвета, напоминающую змеиную морду.

Лицо Коренева тоже изменилось, обрело цвет слоновой кости, и Уваров содрогнулся: сквозь щели глаз на него посмотрел самый настоящий динозавр!

9. Риск – благородное дело

Беседовали в машине мужчины в гражданском, которого все звали то полковником, то просто Петровичем. Полное имя его было – Иван Петрович Гордеев.

Потрясённый Уваров слушал собеседника и всё время ловил себя на мысли, что участвует помимо воли в каком-то чудовищном спектакле. При этом всё происходило наяву, он не спал, не грезил с открытыми глазами, и полковник, обыденным тоном излагавший невероятные теории, казался вполне нормальным человеком.

– Землю контролируют две внешние силы, – начал он, когда спецназ «упаковал» в спецтранспорт Хаевича с Корнеевым, оказавшимися эмиссарами чужих, и Уварова проводили к джипу Гордеева. – Одних мы условно называем «змеями», других «ящерами». Одни работают на «Ксенфорс», другие на «Герпафродит». На вас мы вышли случайно, когда в поле зрения наших наблюдателей попал Игорь Новихин.

– Он что, тоже из этих, из «змей»? – вяло удивился Уваров.

– Нет, он теневой биржевой игрок, хотя официально считается начальником службы безопасности Московской газовой биржи. В последнее время он стал часто выигрывать, применяя какую-то странную стратегию. Мы понаблюдали за ним и поняли, что он работает на структуру «ящеров». Взяли в разработку, вышли на вашу компанию и обнаружили, что за вами ведётся наблюдение сразу с двух сторон.

– На кой я им нужен?

– А вот тут много необъяснимого, – согласился Гордеев; джип помчался по Москве в сторону МКАД. – Они называли вас хроником, то есть человеком, способным скачивать информацию из прошлого. Это действительно так?

– Да, я вижу происшедшие события, – признался Уваров.

Гордеев пристально посмотрел на него.

– И можете указать координаты исчезнувших цивилизаций?

– В общем, могу. Но я хотел бы сначала уточнить...

– Что?

– Вы из какой-то погранслужбы. Это государственная...

– Организация «Триэн» – негосударственная структура. Она получила свое название от аббревиатуры «Никого Над Нами». «Застава» – одно из ее подразделений. Мы уже два года работаем как чистильщики российского социума, поставив целью избавить страну, да и всё человечество в целом, от внешнего контроля.

Уваров недоверчиво прищурился.

– Вы считаете, это возможно?

Гордеев пожал плечами.

– Хорошо, что вы не задали более логичный вопрос: не сбрендили ли мы? Я уверен в одном: пора освободиться от паразитирующих на нас ксенотов. Возможно, именно этот фактор мешает людям развиваться этически. Пока же и «змеи» и «ящеры» с успехом используют в своих целях тех, кто жаждет власти любой ценой, и поддерживают в психически неустойчивых личностях эту жажду.

– Неужели Михал Михалыч...

– Нет, Коренев не согласился работать на «ящеров», вместо него они запустили своего агента под личиной Коренева.

– Я не заметил.

– Тонкая работа, – согласился Гордеев.

– Значит, Михал Михалыч жив?

– Мы его вызволим. А вот Хаевич погиб. Сначала он согласился работать на «змей», потом решил поторговаться и...

– Гады!

– Полностью с вами согласен, – кивнул Гордеев. – Вот, глотните. – Он подал Уварову плоскую фляжку. – Травяной тоник. Не бойтесь, нам травить вас ни к чему.

Уваров сделал несколько глотков, освеживших рот. Голова прояснилась.

– Спасибо.

– Вы не ответили на вопрос. – Гордеев упрятал фляжку в карман.

– Я думал, вы работаете на ФСБ.

– Работаю, начальником службы внутренней безопасности. Хотя при этом служу России и на другом поприще.

– Я могу вам верить?

Гордеев выдержал взгляд Александра Александровича.

– Можете. Если нам удастся использовать ваши знания, мы победим.

– Я вижу не только прошлое, – вдруг признался Уваров.

В глазах Ивана Петровича отразилось сомнение.

– Как вас понимать?

– Я вижу будущее. Правда, весьма отдалённое.

Гордеев на какое-то время замолчал, пребывая в ступоре. Сказал наконец тихо:

– Хроник... видящий будущее...

– Хотите верьте, хотите нет.

– Это же невозможно... Извините. Бог ты мой! Неужели вы откажетесь работать с нами? Да ведь мы по-настоящему выйдем в космос! Вам это не интересно? Вся жизнь впереди!

– Раздётся и жди, – бледно улыбнулся Уваров.

– Что?

– Я пошутил. Понимаете, мне уже пятьдесят...

– Это не возраст.

– В пятьдесят мало кого тянет на подвиги.

– Не ставьте себе диагноз.

Уваров мысленным усилием «улетел» в пространство без звёзд, озаряемое лишь всполохами распадавшихся атомов.

Будущее...

А ведь и вправду интересно посмотреть, что ждёт человечество впереди. Справится ли оно с «ящерами» и «змеями»? Да и с самим собой. Ну а если «змеи» устроят за ним охоту?

– Они не оставят вас в покое, – проницательно покачал головой Гордеев. – В одиночку с ними не справиться.

Уваров очнулся.

– Всё равно страшно... я могу умереть.

Гордеев засмеялся.

– Для того чтобы умереть, достаточно родиться.

– С другой стороны, риск – благородное дело. Если вы пообещаете мне...

Гордеев посерьёзней.

– Мы найдём способ защитить вас и ваших близких. Собственно, мы их уже охраняем. Куда вас доставить? На работу, домой?

– К вам, – сказал Уваров, сомневаясь в своей трезвости. – Я хочу знать всё.

Гордеев посмотрел на водителя.

– Солома, к Дэну.

Водитель оглянулся на Уварова, подмигнул ему.

– Поработаем, Сан Саныч?

Уваров проглотил ком в горле, и перед его мысленным взором снова развернулась необозримая панорама большого Космоса.

Глава 3

Что было

1. Локус контроля

Проснулся он выспавшийся, свежий, энергичный, словно голову продул морозный ветерок с запахом нашатыря. Захотелось чего-то необычного, нестандартного, отличающегося от рутинного утреннего распорядка: кофе – бутерброд – работа.

«Выпей шампанского», – подсказал внутренний собеседник Ватшина.

«Шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты», – напомнил он высказывание героя Папанова из фильма «Бриллиантовая рука».

«Тогда спляши», – съязвил оппонент.

«Люсю разбужу».

«Полетай в космосе, ты же у нас известный звёздный скиталец, как сказал Миша Велюр, двадцать романов на эту тему настрочил».

Ватшин показал сам себе кулак, поднялся, стараясь не разбудить спящую жену, накинул куртку, вышел на балкон, доставая из пачки сигарету.

С высоты пятого этажа была видна покрытая льдом Москва-река с редкими «кочками» рыбаков, заснеженный лесок по ту сторону реки и ажурный живописный мост. Наступило хмурое январское утро, рассвело, шёл уже десятый час, но сегодня была суббота, и Люся отсыпалась, не собираясь вставать рано.

Внизу послышался треск шипованных шин подъехавшей автомашины, слышный гораздо сильнее, чем гул мотора.

Ватшин посмотрел на дорогу, подходившую к дому почти вплотную.

Из остановившегося джипа «Инфинити» золотистого цвета вылез мужчина в чёрной куртке, посмотрел на дом, в котором проживали супруги Ватшины. Глаза его встретились с глазами писателя.

Ватшин застыл как замороженный, держа сигарету двумя пальцами.

Замер и водитель джипа, заметив курильщика на балконе. Потом вдруг засуетился, нырнул обратно в кабину, джип заурчал, тронулся с места и исчез за углом дома.

«Блин! – подумал Ватшин, приходя в себя. – Какого чёрта он испугался?» – Настроение потускнело. Вспомнились наставления Гордеева – сообщать ему обо всём подозрительном, встречавшемся в повседневной жизни. Однако начинать утро с жалобы на странного водителя не хотелось, как не хотелось и верить в то, что он приехал специально для того, чтобы напугать писателя. Это было несерьёзно.

Ватшин смял недокуренную сигарету о дно пепельницы, вернулся в квартиру.

В памяти всплыл текст присланного по электронной почте файла, подписанного неким Кротовым. Иван Петрович сказал, что никакого «учёного-футуролога» по фамилии Кротов на самом деле не существовало. Зато существовал Крот – человек, обладающий уникальной способностью видеть будущее. Таких людей анксы называли хрониками, и ящеролюди, иначе драконы, а также их оппоненты – змеелюди-герпы, очень хотели иметь в своём стане как плюс-хроников, то есть видящих будущее, так и минус-хроников, видящих прошлое. Вот почему они заволновались, прочитав роман Ватшина «Никому не верьте»: инопланетные «пастухи», наводнившие Землю и сражавшиеся меж собой за право управлять человеческим «стадом», решили, что писатель-фантаст Константин Ватшин – хроник! Либо знает кого-то из этих по сути экстрасенсов, свободно читающих будущее и прошлое. И устроили за ним слежку, а потом и вовсе решили тихонько ликвидировать!

Ватшин невольно глянул на спящую жену.

Людмила оказалась вовсе не такой пугливой, легкомысленной и простодушной особой, какой он её знал все четыре года совместной супружеской жизни. Выяснив, в чём дело, она не кинулась уговаривать мужа со слезами на глазах «бросить писать правду», не стала предъявлять претензии типа «ты мне всю жизнь испортил!» и угрожать, что уйдет. Она просто приняла к сведению новые обстоятельства и пообещала следовать за ним куда угодно, если придётся резко изменить образ жизни.

– Даже на край света! – храбро заявила она.

Однако такой самоотверженности пока не требовалось.

Служба безопасности «Заставы» задержала двух функционеров, служащих драгонам, которые угрожали Ватшину, приставила к нему охрану, и всё успокоилось на какое-то время.

Ватшин получил от издательства компенсацию за отказ печатать роман о ксенотах и начал новый – о путешествии во времени.

Люся продолжила работать в префектуре, мечтая о путешествии на море.

Жизнь наладилась. А о случившемся в конце декабря напоминал лишь охранник, проважавший Ватшина во время его поездок по городу, и редкие звонки Гордеева.

Константин закрылся на кухне, сварил себе кофе в джезве.

Снова вспомнился присланный Кротовым материал.

Если убитый ящеролюдьюми хроник не привирал, на Земле уже сотни лет жили инопланетяне, маскируясь под людей. Они пробрались во все властные институты большинства государств, диктовали свои законы, подчиняли несогласных своим порядкам и завладели самыми важными инструментами управления народами, позволяющими им беспрепятственно вести свою политику: институтами образования, науки, культуры, средств массовой информации и телевидения. Средств борьбы с ними Кротов не знал, и Ватшину, привыкшему скрупулёзно, до мелочей, продумывать канву будущего романа, пришлось домысливать эти средства самому. Каково же было его удивление, когда он столкнулся с настоящими «бесогонами», как иронично называли себя реальные борцы с «пастухами», создавшие организацию «Застава». До сих пор Ватшину казалось, что все они придуманы им, а война с «пастухами» ведётся понарошку, виртуально, как новая стратегическая онлайн-игра.

Снова вспомнилось нападение бандитов, а точнее – киллеров ящеролюдей, когда Ватшин с Люсей собрались ехать на дачу под Новый год. На игру это было похоже мало, и он со вздохом признался сам себе, что приходится подчиняться правилам этой игры, финалом которой запросто может быть смерть.

К чёрту! – решительно оборвал он горестные воспоминания. Мы ещё посмотрим, кто кого! Что там писал Кротов? В тексте были какие-то рекомендации – как стать таким же хроником. Ну-ка, память, давай, напрягись, вытаскивай забытое!

Ватшин углубился в кладовые памяти, не востребованные до сих пор, остро пожалев, что не догадался сбросить полученный год назад файл кому-нибудь из друзей. Не пришлось бы в этом случае и память мучить.

Итак, Кротов советовал для начала научиться концентрировать внимание на достижении цели – при умении медитировать и не отвлекаться. Этому Константин научился давно, поскольку работа писателя требовала именно такого сосредоточения. Если уж он попадал в созданный собственным воображением мир, то начинал там жить и возвращался обратно в мир реальный, только когда кончалась энергия. Когда он уставал.

Хорошо, пошли дальше.

Кротов советовал научиться «спускаться вниз», к источнику всего сущего. Что он имел в виду? Физическую картину Мироздания? Вселенная, по мысли космологов, родилась после Большого Взрыва. Значит, надо нарисовать умозрительно этот взрыв? Момент рождения Метагалактики?

Ватшин закрыл глаза, представил, как это может выглядеть.

В пустом и чёрном пространстве загорается звёздочка...

Стоп! По современным теориям существует Большая, Бесконечная, вечно кипящая Вселенная, заполненная не пустотой (пусть простят меня учителя словесности), а перетекающей из одного состояния в другое энергией. Значит, в сверкании вихрей той Супервселенной загорается сверхмалая звёздочка и стремительно начинает расширяться. Этот этап учёные, кажется, назвали инфляцией. Что дальше?

Звёздочка за сверхкороткий отрезок времени расширяется до гигантских размеров и превращается... во что она там превращается? Со стороны не видно, надо попасть внутрь. Итак, мы внутри...

Ватшина обняла невероятная космическая пустота, пронизанная не менее невероятной тишиной! Ничто, из которого родилась будущая Метагалактика, продолжало расширяться, превращаясь в настоящее трёхмерное (а может быть, и многомерное) пространство, ещё не заполненное материей. Ватшину даже показалось, что он может пить эту пустоту как воду.

А затем весь этот невообразимо колоссальный объём, который невозможно было на самом деле назвать ни вакуумом, ни пустотой, ни пространством, взорвался ещё раз, превращаясь в пламя перворождённых элементарных частиц – суперструн, сверхточек, кварков и глюонов. Началась эпоха рекомбинации – превращения первичных кирпичиков Мироздания в элементарные частицы – протоны, нейтроны и электроны, которые через миллион лет образовали первые звёзды, протогалактики и протопланеты...

Ватшин вынырнул из своего мысленного путешествия, как пловец из воды, хватая ртом воздух. Обливаясь, допил остывший в чашке кофе.

«Бог ты мой! – подумал он с испугом. – Я ведь и в самом деле видел это! Значит, Кротов не зря именно мне прислал компромат на ксенотов? Я тоже – из тех, кто видит?»

Захотелось снова вернуться в прошлое, посмотреть, чем закончится эпоха рождения первых звёзд.

Однако на кухню вдруг зашла заспанная, в одной ночной рубашке, Люся, и Ватшин с сожалением отложил идею побродить по древней Вселенной, заполненной «дымом» начавшихся термоядерных реакций. Обнял жену, уткнувшись носом в её грудь.

– Разбудил? – Он поцеловал её.

– Я сама встала, – сонным голосом ответила она, прижав его голову к себе.

– Кофе хочешь?

– Хочу. – Люся улыбнулась, когда губы мужа нашли сосок груди под рубашкой. – Ты работал?

– Точно, – проговорил он с заминкой, не спеша признаваться в своём мысленном путешествии в прошлое. – Иди, умывайся, пока я кофе сделаю.

Люся послушно двинулась к двери, оглянулась.

– Знаешь, вчера меня с работы один молодой человек провожал.

– Вот как? – сдвинул он брови с нарочитой угрозой. – Кто? Я его знаю?

– Я сама его не знаю.

Ватшин засмеялся.

– А говоришь – провожал.

– Он сзади шёл, а когда я оглядывалась – прятался.

Сердце кольнула тревога.

– Этого нам не хватало! Ты его раньше видела?

– Нет.

– Почему же вчера не сказала?

– Забыла. – Люся вышла.

Ватшин повертел в руках пустую чашку и вдруг понял, что надо позвонить Гордееву. Интуиция подсказывала: ксеноты его не забыли.

2. Мера пресечения

Солома – кличку ему придумали ещё в школе из-за очень светлых, почти белых волос и из-за фамилии – по паспорту он был Соломиным Виктором Андреевичем. Цвет его волос и в зрелом возрасте почти не изменился, как и характер, весёлый и простой, легко отзывающийся на шутки товарищей. При этом Виктор был классным оперативником, мастером рукопашного боя, тонким аналитиком ситуаций и не зря командовал спецгруппой «Заставы», по физическим и психологическим кондициям не уступающей таким подразделениям силовых служб, как «Альфа» и «Кобра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.